A. L.: „Die lebendig Toten“.

А. Л.

Смертники

Berlin.
Heinrich Caspari Verlagsbuchhandlung
1911.

Послѣдніе полтора-два года мнѣ пришлось провести въ тюрьмѣ одного большого города да югѣ Россіи. Этотъ городъ занимаетъ видное мѣсто въ кровавыхъ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ вакханалія висѣлицъ и экспропріацій достигла наибольшаго развитія. Почти все это время мнѣ пришлось жить среди людей, преданныхъ военному суду по всеобъемлющей 279 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій. Вокругъ меня сотни людей ожидали смертной казни. А такъ какъ люди, сжатые въ тѣсномъ помѣщеніи безпощадными тюремными стѣнами, дышащіе однимъ воздухомъ, не имѣютъ тайнъ другъ отъ друга, то душевная жизнь этихъ людей была открыта предо мной. На моихъ глазахъ военные суды постановили больше двухсотъ приговоровъ, и больше ста человѣкъ было за это время повѣшено. И хотя я ни разу не

присутствовалъ при самомъ совершеніи казни, ни разу не видѣлъ *физической* агоніи повѣшеннаго, но въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось изо дня въ день наблюдать *духовную* агонію людей, ждущихъ смертнаго приговора или уже приговоренныхъ къ смерти и ждущихъ казни. Нѣкоторыми изъ этихъ наблюденій я и хочу подѣлиться съ читателями.

I.

Еще въ 1906-мъ году, когда эпидемія смертныхъ казней въ Россіи только начиналась, когда смертные приговоры были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ и, по большей части, не приводились въ исполненіе, а замѣнялись каторгой, мнѣ пришлось встрѣтиться впервые со „смертниками", какъ называютъ въ тюрьмахъ людей, приговоренныхъ къ смертной казни.

Я былъ арестованъ судебнымъ слѣдователемъ и сидѣлъ въ одиночкѣ. Моя камера ничѣмъ не отличалась отъ камеръ одиночнаго заключенія въ знаменитыхъ „Крестахъ". Но надъ дверью ея была отдушина для вентиляціи. Такія же отдушины были и въ сосѣднихъ камерахъ, выходившихъ на тотъ же коридоръ. И благодаря этому заключенные изъ различныхъ камеръ могли свободно

переговариваться между собою... Изъ сосѣднихъ келій доносилось непріятное, рѣзкое бряцаніе кандаловъ. Этотъ непривычный для меня звукъ невольно билъ по нервамъ и волновалъ меня. Мнѣ хотѣлось узнать, кто мои сосѣди по заключенію. Моихъ сосѣдей, повидимому, не менѣе интересовалъ вопросъ о моей личности. Естественно, что между нами скоро завязалась бесѣда. Мой сосѣдъ справа указалъ мнѣ на отдушину надъ дверью, научилъ, какъ ею пользоваться, и засыпалъ меня градомъ вопросовъ: кто я? за что сижу? что новаго на волѣ? Я отвѣчалъ, а затѣмъ самъ сталъ спрашивать его:

— Вы давно арестованы?

— Ужъ восемь мѣсяцевъ.

— Скоро судъ?

— Я уже судился.

— Къ чему приговорены?

— Къ смертной казни!

Я не видѣлъ своего собесѣдника. Но его молодой, звонкій голосъ звучалъ такъ бодро, такъ весело, что мнѣ показалось сперва, что онъ шутитъ.

— Какъ такъ къ смертной казни? — переспросилъ я.

— Ну, да, къ петлѣ. Очень просто. Приговорили повѣсить.

— Какъ же вы здѣсь?

— Командующій приговора не утвердилъ. Замѣнилъ на двадцать лѣтъ. Въ № 4 тоже такой же, какъ я, сидитъ... Тоже замѣненный.

— Мнѣ, братъ, на пятнадцать лѣтъ замѣнили... — Это говорилъ уже мой сосѣдъ слѣва. Его голосъ былъ не такой звонкій, не такой веселый, какъ моего перваго собесѣдника: въ этомъ голосѣ звучали болѣе глухія, подавленныя ноты.

Мои сосѣди сильно заинтересовали меня. Въ первый разъ я встрѣтился съ людьми, которымъ пришлось стоять подъ висѣлицей. И хотѣлось узнать, что испытывали эти люди въ ожиданіи казни, пока они не узнали объ отмѣнѣ приговора. Но какъ-то неловко было спрашивать ихъ объ этомъ. И мы говорили о самыхъ различныхъ вещахъ. Я разсказывалъ имъ новости съ воли; они передавали подробности суда надъ ними. Но все время на умѣ у меня вертѣлся одинъ вопросъ... Наконецъ, недѣли черезъ полторы послѣ перваго знакомства, я спросилъ своего молодого сосѣда:

— А что, страшно вамъ было, когда судъ объявилъ приговоръ?

— Да чего страшнаго, когда другого я и не ожидалъ. Я и теперь не знаю, съ чего имъ вздумалось замѣнять приговоръ. Вѣдь

съ каторги я уйду. Это — какъ Богъ есть!..

— Все же, сердце дрогнуло?

— Я на свѣтѣ одинъ. Дрожать мнѣ не за кого. Жизнь я любилъ, вѣрно!.. Но ужъ до суда примирился съ судьбою.

— А послѣ суда какъ?

— Послѣ суда все то же. Вотъ только плохо, что заковали. А кандалы въ морозъ— смерть. Всего хуже — никакъ сразу не сообразишь, какъ брюки продѣвать сквозь кольца. Да я теперь научился. Вамъ каторги не будетъ?..

— Нѣтъ.

— А-а-а!.. А то я научилъ бы васъ. Дѣло нехитрое, когда умѣешь.

И мой сосѣдъ началъ съ большимъ жаромъ объяснять мнѣ, какъ продѣваютъ брюки сквозь кольца кандаловъ. Я былъ пораженъ. Значитъ, человѣка, часы жизни котораго были сосчитаны, человѣка, который не зналъ, придется ли ему дожить до завтрашняго утра, вопросъ о томъ, какъ быстрѣе и легче переодѣваться съ кандалами на ногахъ, интересовалъ сильнѣе, чѣмъ всѣ великіе вопросы о жизни и смерти. А это былъ не грубый, одеревенѣлый преступникъ: это былъ молодой, живой и энергичный рабочій, развитой и остроумный,

осужденный за сопротивленіе полиціи при арестѣ.

Я обратился къ своему второму сосѣду:

— Ну, а вы испугались приговора?

— Нѣтъ, я тоже ждалъ. Но у меня хуже вышло. Мать-старуха была въ судѣ. Она, конечно, простая, безъ сознанія. Ну, многаго не понимаетъ. Ей-то, конечно, страшно... Плакать начала. Тутъ меня зло взяло. Такъ бы и сказалъ всѣмъ судьямъ... Послѣ я, конечно, стою около двери, а генералъ проходитъ мимо. Остановился, поглядѣлъ на меня и говоритъ: „Почему ты не вытянулся"? Я хуже разозлился: „Теперь—говорю—я ничего не обязанъ дѣлать и никого не признаю". Онъ кричать сталъ. Я говорю: „Чего кричите? Я все равно теперь ничего не боюсь"! Покричалъ, покричалъ, да и отсталъ. Мнѣ даже конвойный говоритъ: „Ты, братъ, не слишкомъ того... Еще замѣнить могутъ". А я говорю: „Куда ужъ тамъ"!.. Потомъ мать пришла въ тюрьму. Плачетъ, конечно, потому что какъ объяснить ей, старухѣ. Я говорю ей: „Не плачьте зря! Вѣдь лучше все равно не будетъ"... А она: „Попробую—говоритъ—командующаго просить. Авось смилуется". „Бросьте—говорю—маменька. Какая отъ нихъ милость"? А она все затвердила одно... Потомъ уже разсказывала, какъ командующій ее принималъ. Она ему

въ ноги упала. Старуха, конечно, простая. А онъ говоритъ: „Я посмотрю... Жизнь за жизнь, старуха! Если твой сынъ, хоть и виноватъ, да не убилъ никого, а только покушался, такъ и онъ живъ будетъ. Помилую я его. Ты не больно убивайся. Если на немъ чужая жизнь, такъ и плакать о немъ нечего. А если не такъ, я уже посмотрю". Такъ и замѣнили мнѣ на пятнадцать лѣтъ...

— А умирать не хотѣлось?

— Да все одинъ конецъ. Только, конечно, старуху жаль было. Ей не расталкуешь: старый человѣкъ, все по своему норовитъ.

Мой собесѣдникъ, судя по всему, былъ парень простодушный и нѣсколько вялый, хотя и партійный. Я не смогъ передать его разсказъ вполнѣ точно. Но этотъ разсказъ глубоко растрогалъ меня: такъ живо рисовалась его убитая горемъ мать и такъ простъ былъ онъ самъ, не боящійся смерти, болѣющій лишь горемъ своей старухи матери, которой „никакъ не растолкуешь всего"...

Такова была моя первая встрѣча со смертниками. Такъ описывали они свои впечатлѣнія послѣ смертнаго приговора, свое состояніе въ ожиданіи казни. И больше всего поразило меня въ ихъ разсказѣ, что не было въ ихъ переживаніяхъ никакого слѣда тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которые наполняютъ

душу осужденнаго у Виктора Гюго или Оскара Уайльда.

Черезъ одну камеру отъ моей одиночной кельи сидѣлъ матросъ, приговоренный къ долгосрочной каторгѣ за возстаніе на броненосцѣ. Онъ судился вмѣстѣ съ сотней товарищей и многіе изъ его товарищей были приговорены къ разстрѣлу. И въ безыскусственной формѣ онъ черезъ отдушину надъ дверью камеры разсказывалъ мнѣ, какъ бунтовалъ ихъ броненосецъ, какъ захватили ихъ въ плѣнъ, какъ судили ихъ, какъ вынесли многимъ изъ нихъ смертные приговоры, какъ сидѣли они вмѣстѣ, въ общей камерѣ, въ ожиданіи казни, и какъ, наконецъ, всѣмъ имъ пришлось присутствовать при разстрѣлѣ „зачищинковъ"... Нѣкоторыя подробности его разсказа глубоко врѣзались мнѣ въ память. Когда судъ ушелъ въ совѣщательную комнату, они смѣялись и шутя спорили о томъ, скольких и кого именно приговорятъ къ смерти. Но когда началось чтеніе приговора, всѣ затихли и ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. А послѣ приговора осужденные на смерть цѣловались съ приговоренными къ каторгѣ, прощаясь съ ними навсегда. Приведенія приговора въ исполненіе пришлось ждать много мѣсяцевъ. Это время было очень тяжелое. И всѣ обрадовались, когда узнали, что день казни назначенъ. Наканунѣ

казни одинъ изъ осужденныхъ долго смотрѣлъ на свои серебряные часы, подарокъ отца, и затѣмъ сказалъ: „Некому часы оставить. Вы, братцы, на каторгу идете, тамъ у васъ отберутъ. Домой отослать — все равно, пропадутъ. Отдамъ ихъ солдату, который стрѣлять въ меня будетъ. Вѣдь и мы такіе же были, и онъ когда-нибудь человѣкомъ станетъ"!

— Утромъ вывели насъ на дворъ, — разсказывалъ матросъ-каторжанинъ, — выстроили: насъ всѣхъ въ сторонку, а смертниковъ въ серединѣ... Солдаты здѣсь же рядомъ стоятъ. Товарищъ тутъ вынулъ часы, и говоритъ солдатамъ, да только тихо, чтобъ офицеръ не слышалъ: „Братцы, кто будетъ въ меня стрѣлять"? Молчатъ солдаты. А онъ тогда опять: „Хочу, братцы, память оставить тому, кто будетъ стрѣлять въ меня". Одинъ солдатикъ, совсѣмъ еще молоденькій, выходитъ: „Я" — говоритъ. Онъ ему часы отдалъ. „Смотри—говоритъ—вспоминай, какъ ты по приказу человѣка убилъ. Да лучше цѣлься. Чтобы не мучиться мнѣ". Поцѣловались они. Солдатъ часы взялъ...

Какъ похожа эта подробность жизни на старый обычай цѣлованія преступника съ палачомъ!..

Я вскорѣ разстался со своими сосѣдями-смертниками. И мнѣ некогда было думать о

ихъ судьбѣ и о судьбѣ другихъ людей, подобно имъ ожидающихъ казни. Некогда было думать объ этомъ, такъ какъ слишкомъ много другихъ вопросовъ будила тогда русская жизнь. И читая ежедневныя извѣстія о смертныхъ казняхъ въ 1907-мъ году, я мало задумывался надъ смысломъ этихъ извѣстій.

II.

Въ послѣдній разъ я былъ арестованъ въ началѣ 1908-го года. Предъявленное мнѣ полиціей предписаніе жандармскаго управленія гласило категорически: „подвергнуть безусловному задержанію, независимо отъ результатовъ обыска". На вопросъ о причинахъ задержанія, полиція отвѣчала: „Это намъ неизвѣстно". На вопросъ о томъ, куда меня отправятъ, полиція отвѣчала: „Политическихъ приказано въ N—ную часть отправлять".

Я жилъ далеко отъ N — ной части, на другомъ концѣ города. И трясясь съ городовыми на извозчикѣ по соннымъ улицамъ города, я вспоминалъ все, что слышалъ въ различное время объ этой части. О ней много говорили въ городѣ: здѣсь приводились въ исполненіе смертные приговоры, постановляемые военными судами; здѣсь, во дворѣ,

передъ окнами арестантскаго корпуса, помѣщалась губернская висѣлица.

И когда, послѣ записи моего имени и званія въ канцеляріи части, два дюжихъ городовыхъ повели меня черезъ дворъ къ низенькому одноэтажному домику, съ рѣшетками въ окнахъ, я внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, ожидая увидѣть висѣлицу. Но во дворѣ не было никакихъ столбовъ, даже никакихъ выступовъ въ стѣнахъ, никакихъ кронштейновъ или крюковъ, которые можно было принять за часть висѣлицы. . .

Внутри арестантское помѣщеніе оказалось состоящимъ изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ камеръ, выходящихъ дверями на общій коридоръ, а окнами—на черный дворъ. Слѣва были расположены двѣ маленькія камеры, въ которыхъ помѣщались надзиратель и палачъ. Первый жилъ здѣсь постоянно. Второй содержался обыкновенно въ тюрьмѣ, а въ участокъ переводился лишь тогда, когда предстояла работа. Рядомъ съ маленькой камерой палача была болѣе обширная камера, разсчитанная человѣкъ на шесть или семь, но вмѣщавшая при мнѣ человѣкъ пятнадцать-двадцать, а порой и тридцать. За ней шли двѣ крошечныя камеры—секретки—со тщательно задѣланными толстой рѣшеткой окнами: здѣсь содержались приводимые изъ тюрьмы на казнь смертники. Рядъ камеръ

кончался большой камерой, въ которой, по росписанію, могло помѣститься человѣкъ двѣнадцать, а въ дѣйствительности помѣщалось отъ двадцати до тридцати, а иногда и отъ сорока до пятидесяти.

Когдо меня привели въ часть, секретки пустовали. Послѣдніе смертники были повѣшены за нѣсколько дней до моего ареста. Новыхъ смертниковъ изъ тюрьмы тоже не ожидалось, такъ какъ со всѣми осужденными послѣдней сессіей военнаго суда было уже покончено. Но палачъ, только что закончившій свою работу, все еще содержался здѣсь, въ части, во второй камерѣ слѣва.

Среди заключенныхъ, съ которыми я встрѣтился въ общей камерѣ, были разные люди: были здѣсь и убѣжденные члены соціалистическихъ партій, и революціонно настроенные рабочіе, и обыкновенные экспропріаторы, и совершенно темные крестьяне, попавшіе въ тюрьму неизвѣстно за что, и очень подозрительныя личности, промышлявшія на волѣ обыкновенной уголовщиной. Серьезный разговоръ плохо клеился въ такой разношерстной компаніи. Жили не дружно, ссорясь между собою, споря изъ-за всякой мелочи и оскорбляя одинъ другого дурными словами. Но все же между всѣми было *одно* общее, что сближало всѣхъ: это—ужасъ

недавнихъ казней. Послѣдняя казнь была совершена всего за нѣсколько дней до моего ареста: тогда въ одну ночь было повѣшено пять человѣкъ. Казалось, тѣни казненныхъ, какъ какой-то кошмаръ, не даютъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ чудовищнаго дѣла, которое совершилось здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Ни о чемъ другомъ нельзя было говорить, ни о чемъ другомъ нельзя было думать въ этомъ мѣстѣ. Возникали шумные споры, начинались шутки, затягивалась пѣсня, завязывалась игра или возня, но снова и снова, днемъ и ночью, мысль настойчиво возвращалась къ *одному*...

Я не видѣлъ лицъ послѣднихъ пяти повѣшенныхъ, не слышалъ ихъ голосовъ, не присутствовалъ при томъ, какъ ихъ вѣшали, но изъ разсказовъ окружающихъ я узналъ всю картину казни, и эта картина стояла передо мной такъ же ярко, какъ передъ людьми непосредственно наблюдавшими ее.

Это произошло наканунѣ большого праздника. Надзиратель съ утра проявлялъ необыкновенную суетливость. Онъ нѣсколько разъ заходилъ въ секретку, тщательно изслѣдуя рѣшетки, полъ и стѣны, поминутно подходилъ къ дверямъ общихъ камеръ, прислушиваясь къ разговорамъ арестантовъ.

Послѣ обѣда онъ обратился къ заключеннымъ съ краткою рѣчью.

— Вотъ что, господа: шила въ мѣшкѣ, говорятъ, не утаишь. Такъ что я ужъ скажу вамъ, хоть приказано не говорить... Да ужъ все равно! Ну, приведутъ сегодня пятерыхъ... Вѣшать будутъ... Такъ вы къ волчкамъ лучше не подходите и сидите тихо... Стражники будутъ. А имъ много ли надо? Да и приказъ есть такой: если хоть слово скажетъ кто, или кричать будетъ, или пѣть, или въ волчокъ выглянетъ, такъ чтобъ стрѣляли безъ предупрежденія. Вы, господа, сами поостерегитесь...

Вскорѣ затѣмъ коридоръ наполнился стражниками. Они разговаривали между собой, шутили, смѣялись... Одинъ изъ нихъ, сидя на подоконникѣ, громко пѣлъ. Вдругъ все стихло. Стражники выстроились въ коридорѣ, заслонивъ своими спинами волчки дверей.

— Смотри, ребята! — крикнулъ надзиратель и, позвякивая ключами, подошелъ къ выходной двери.

— Кто идетъ?

— Изъ тюрьмы. Принимай пятерыхъ.

Дверь отворилась. Въ коридоръ ввалилась толпа народа. Слышался топотъ тяжелыхъ сапоговъ, стукъ ружейныхъ прикладовъ, бряцаніе цѣпей.

— Стой... Повернись... Скинь поясъ... Разстегни рубаху... Дай ногу... Да портянку скинь...

На коридорѣ шелъ обычный обыскъ, обыскъ вновь прибывшихъ. И вдругъ послышалось паденіе на полъ тяжелаго тѣла и чей-то изступленный голосъ закричалъ:

— Да за что насъ, дѣдушка? Передъ Христомъ клянусь, невиновенъ я! Отпусти, дѣдушка! За что насъ?.. Вѣдь бумага придти должна!.. Ради Христа!..

Человѣкъ рыдалъ, бился головой о полъ, цѣпи его глухо звенѣли. Надзиратель, повидимому, смутился.

— Чего ты?.. Чего? — успокаивалъ онъ несчастнаго: — Кто тебя вѣшать будетъ!? Перевели сюда потому, значитъ, мѣстовъ въ тюрьмѣ мало... Посидишь здѣсь... А тамъ изъ Петербурга бумага придетъ... Можетъ и вовсе на свободу отпустятъ...

— Родненькій, помоги ради Христа, ради души спасенія! — Къ первому плачущему голосу присоединились еще два. Но новый, рѣзкій и громкій голосъ вмѣшался въ ихъ вопли:

— Стыдись, старикъ! Зачѣмъ людей обманываешь? Вѣдь *сегодня* вѣшать будутъ! Чего виляешь? Не ты ли и палачомъ будешь?.. Вилять нечего. Собака!..

— Врешь, врешь! Самъ собака... Сволочь!.., — Надзиратель окончательно растерялся и поспѣшилъ закончить обыскъ. Захлопнулись двери секретокъ. Часть стражниковъ вышла во дворъ, часть осталась въ коридорѣ.

Все было тихо въ тюрьмѣ, никто не говорилъ ни слова. Изъ секретокъ не слышалось даже бряцанья цѣпей. И вдругъ тишину прорѣзалъ громкій звукъ пѣсни:

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый трудъ...

Голосъ пѣвца звучалъ твердо, увѣренно, и трудно было повѣрить, что это пѣлъ человѣкъ, ожидающій казни. Но это былъ тотъ самый голосъ, который только что спорилъ на коридорѣ съ надзирателемъ. Надзиратель въ тревогѣ бросился къ двери.

— Брось пѣть! Тебѣ говорятъ, замолчи! Чортъ окаянный!.. — Но смертникъ продолжалъ пѣть такъ же громко, такъ же увѣренно, какъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ своего тюремщика. Только допѣвъ пѣсню до конца, онъ обратился къ нему.

— Чего кричишь? Я тебя, знаешь, не боюсь: на томъ свѣтѣ съ тобою посчитаемся.

— Да брось пѣть! Тюрьма здѣсь...

— Буду пѣть, пока всѣхъ пѣсенъ не пропою на прощанье!..

И опять полились страстные звуки революціонной пѣсни:

Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Старикъ-надзиратель отошелъ отъ секретки и подошелъ къ двери общей камеры, какъ бъ ища у своихъ узниковъ сочувствія при столь явномъ попраніи всѣхъ правилъ тюремной дисциплины.

— Анархистъ это! — заговорилъ онъ, заглядывая въ волчокъ: — за нападеніе судился... Отчаянный. А тѣ четыре—мужики деревенскіе... Немолодые все... За поджогъ, говорятъ. Плачутъ, что зря осудили ихъ, да кто ихъ разберетъ!.. Молятся теперь. А тотъ дьяволъ оретъ.

Арестанты сидѣли молча, слушая, какъ за стѣной человѣкъ пѣлъ, прощаясь съ жизнью. Хотѣлъ ли онъ звуками пѣсни заглушить страхъ смерти, поднимавшійся въ его сердцѣ? Или, прощаясь съ жизнью, онъ прощался съ любимыми пѣснями, съ которыми было связано для него такъ много святого? Но голосъ его звучалъ все сильнѣе, все красивѣе, и въ пѣснѣ выливалась вся его молодая душа. Никто не проронилъ ни слова въ общей камерѣ, но у всѣхъ было тяжело на сердцѣ.

Кончивъ пѣсню, пѣвецъ умолкъ, но не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова запѣлъ.

А изъ другой секретки неслись стоны и

вопли. Осужденные метались по камерѣ, бились о дверь.

— За что, за что? Дѣдушка! Родненькій, заступись!.. Оговорили вѣдь... Ни за что гибнемъ... Безъ вины... Бумага вѣдь будетъ!.. Аль не то?.. Не будутъ вѣдь вѣшать?.. Правда? Смилуйся, дѣдушка, отпусти! Не мы вѣдь! Видитъ Богъ, не мы!..

Нѣсколько голосовъ кричало здѣсь разомъ. И рѣзче всего выдѣляся изъ нихъ какой-то старческій голосъ, дребезжащій, надорванный. Стражники въ коридорѣ молчали. Надзиратель пытался возстановить порядокъ въ секреткахъ, и то кричалъ на молодого пѣвца, то принимался успокаивать плачущихъ мужиковъ.

— Полно выть-то... До бумаги здѣсь посидите... Здѣсь хорошо у насъ, не то что въ тюрьмѣ. Харчи хорошіе. Вотъ завтра на базаръ пойду. Чего вамъ принести? А? Сказывайте! Чего принести?.. Я все могу... Хоть курицу къ обѣду. Хотите? Ну, ладно, такъ, значитъ, я себѣ отмѣчу, чтобъ курицу. Да вы хоть соснуть ложитесь. Поздно ужъ. А ты брось орать! Будетъ тебѣ глотку драть... Хуже людей разстраиваешь.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не дай, не дай...— изступленно молились мужики.

А изъ сосѣдней секретки лились мощной волною звуки похороннаго марша:

Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ...

Такъ проходило время. Смѣнились стражники въ коридорѣ. Въ камерахъ зажглись лампы. Спустилась ночь. А изъ секретокъ неслись вопли отчаянія и звуки пѣсни.

Мужики то какъ будто успокаивались и начинали степенно объяснять суть своего дѣла надзирателю, то снова принимались молиться и плакать. А анархистъ въ сосѣдней секреткѣ все пѣлъ. Теперь онъ пѣлъ уже не революціонныя пѣсни, а народныя, волжскія. Въ голосѣ его звучала то грусть, то удаль, но нельзя было понять, пѣсня ли навѣвала ему эти чувства, или въ душѣ его предсмертная тоска боролась съ привычнымъ молодечествомъ. Пѣвецъ уже усталъ, и промежутки молчанія между пѣснями становились у него длиннѣе. И въ эти промежутки молчанія громче казались вопли приговоренныхъ къ казни крестьянъ.

Никто изъ заключенныхъ не смыкалъ глазъ въ эту ночь... Ждали развязки.

Было еще совсѣмъ темно, когда коридоръ снова наполнился людьми. Пришелъ усиленный нарядъ стражниковъ. Палачъ вышелъ во дворъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія. Наконецъ прибыли власти. Стражники какъ-то подобрались и вытянулись.

Въ секреткахъ замолкли вопли, замерла пѣсня. Прибывшіе, громко разговаривая между собой, ходили по коридору.

Въ волчокъ общей камеры заглянуло чье-то лицо, интеллигентное, выхоленное, украшенное изящными усиками.

— О, сколько ихъ здѣсь! — произнесъ удивленный голосъ: — Одинъ, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не всѣ вѣдь сегодня?..

Другой, болѣе солидный голосъ возразилъ:

— Да нѣтъ же! Это не тѣ совсѣмъ... Здѣсь разные... На сегодня — въ сосѣдней камерѣ. Вы поглядите.

Господинъ съ интеллигентнымъ лицомъ отошелъ отъ волчка.

Щелкнулъ замокъ у секретки. Въ коридоръ вывели анархиста-пѣвца.

— Какъ звать? — спросилъ суровый начальническій голосъ.

Осужденный отвѣтилъ отчетливо и твердо.

Затѣмъ послышалось быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... признанъ виновнымъ въ томъ, что въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны... къ смертной казни черезъ повѣшеніе... издержки на счетъ суда.. передать наслѣдникамъ"...

И прежній суровый голосъ спросилъ:

— Священника примешь?

— Къ чему?

— Да ты отвѣчай: примешь, или нѣтъ?

— Не приму...

— Ну и отлично... Ну, живо!.. Пойдемте, господа!..

Топотъ многихъ тяжелыхъ ногъ, бряцаніе ружей, звонъ кандаловъ... и твердый, громкій голосъ:

— Прощайте, товарищи! За свободу...

Но никто не отвѣтилъ на этотъ послѣдній крикъ... Хлопнула дверь. За стѣной слышны были шаги, хрустѣлъ снѣгъ, долетали отрывочныя слова разговора. Но вскорѣ и эти звуки зятихли въ отдаленіи. Арестанты сидѣли безмолвные, подавленные.

Прошло нѣкоторое время, — можетъ-быть пять минутъ, можетъ-быть часъ. Толпа снова вернулась на коридоръ.

— Слѣдующаго!

Щелкнулъ замокъ у второй секретки.

— Твое имя?

Въ отвѣтъ раздался надорванный вопль.

— Не я, ваше благородіе!.. Видитъ Богъ, не я!.. Не губите! Дѣдушка, родненькій, ты хоть скажи, что не я!.. Ради Христа!.. Помилуйте!.. Вѣдь бумагу писали... Бумага будетъ... Родненькіе мои! Да какъ же такъ...

— Помолчи-ка лучше! Тебя какъ звать? А? Ну, хорошо... Вотъ и слушай.

И опять быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... къ смертной казни... черезъ повѣшеніе“...

Мужикъ продолжалъ плакать.

— Священника примешь?

— Батюшка! Передъ Богомъ, невиненъ я... Семья дома...

И чей-то густой, благочестивый голосъ успокаивалъ его:

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колѣни... Вотъ такъ... Молись... И азъ, недостойный іерей, властью Его мнѣ данной прощаю и разрѣшаю... Ну, встань... Вотъ крестъ, поцѣлуй... Ну, такъ.

— Готово? — спросилъ суровый голосъ.

И благочестивый голосъ отвѣчалъ:

— Готово!

— Ну, такъ живо!.. Пойдемте.

И дверь захлопнулась за второй жертвой.

Такъ же взяли на казнь и третьяго, и четвертаго, и пятаго. Уже свѣтало на дворѣ, когда начальство покинуло часть...

Такъ описывали мнѣ эту казнь товарищи по заключенію. Два десятка людей, различныхъ и по умственному развитію, и по взглядамъ, и по характеру, разсказывали при мнѣ объ этой казни. И разсказъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ былъ одинъ и тотъ же. Всѣ черточки этой картины съ безпощадной ясностью врѣзались въ память невольныхъ свидѣтелей, и долго, долго не забудутъ они

этой картины. И когда я сидѣлъ среди этихъ людей, въ этой части, картина казни днемъ и ночью стояла передо мной и нельзя было избавиться отъ нея.

Взобравшись товарищу на плечи, можно было черезъ окно окинуть взглядомъ задній дворъ части. Небольшой, запущенный дворъ... Въ глубинѣ его, шагахъ въ двадцати-пяти отъ арестантскаго помѣщенія, сѣрый бревенчатый сарай, съ потрепанной крышей, съ потемнѣвшими отъ времени и покосившимися стѣнами. Почти по серединѣ сарая широкія двери-ворота.

— Здѣсь вѣшаютъ, — объясняли мнѣ товарищи. — Здѣсь балка идетъ такая поперечная подъ стропилами. Такъ черезъ нее веревки перебрасываютъ. Скамейка больше тамъ стоитъ, а иногда ее и въ коридоръ къ намъ вносятъ. Кандалы ужъ послѣ казни сбиваютъ съ покойниковъ...

Палачъ жилъ подъ одной крышей съ нами, въ сосѣдней камерѣ за стѣной. Когда онъ проходилъ по коридору мимо двери нашей камеры, всѣ бросались къ волчку посмотрѣть на него. Сперва мнѣ было противно смотрѣть на палача, и я не подходилъ къ волчку. Но затѣмъ и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ выглядитъ палачъ... Я увидѣлъ высокаго, плотнаго мужчину, лѣтъ двадцати-пяти — двадцати-восьми на видъ, съ загорѣлой шеей, съ бѣлокурыми гладкими волосами.

Ходилъ онъ слегка согнувшись и всегда отворачивался, проходя мимо заключенныхъ. Не срезу можно было разобрать черты его лица. И на первый взглядъ даже предубѣжденный глазъ не могъ открыть въ его чертахъ что-либо особенное, ужасное. Обыкновенное мужицкое лицо, съ крупными правильными чертами. Только глаза его какъ-то странно бѣгали по сторонамъ, и онъ, повидимому, не могъ уже смотрѣть въ лицо человѣку. А когда онъ замѣчалъ, что на него устремлены враждебные, любопытные взгляды, онъ хмурился и какъ-то странно оскаливалъ верхніе зубы. Тогда видъ у него становился свирѣпый и противный.

И висѣлица, и палачъ въ N-ной части оказались сѣрыми, будничными. Не было въ нихъ ни капли тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которыми окружила висѣлицу и палача легенда. Былъ въ нихъ свой ужасъ—но ужасъ сѣрый, будничный. И все же трудно будетъ забыть эту висѣлицу и этого палача... Особенно трудно потому, уто теперь я знаю весь смыслъ казни, совершенной въ N-ной части за нѣсколько дней до моего ареста. Въ тюрьмѣ я узналъ, что мужики не лгали, когда клялись въ своей невинности; въ тюрьмѣ я узналъ, что въ тотъ день въ N-ной части дѣйствительно было повѣшено четверо невинныхъ крестьянъ, оговоренныхъ по злобѣ односельчаниномъ... Произошла судебная

ошибка: вѣдь такъ естественно ошибиться при спѣшномъ разборѣ множества дѣлъ!...

Но не буду дольше останавливаться на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ N-ной части. Слишкомъ блѣдны и незначительны эти впечатлѣнія сравнительно съ тѣмъ, что пришлось видѣть и слышать въ слѣдующіе мѣсяцы въ тюрьмѣ.

III.

Первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, это необыкновенное *множество* заключенныхъ, имѣющихъ „смертныя дѣла", т.-е. привлекаемыхъ по обвиненію въ преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью... Въ тюрьмѣ содержалось около тысячи человѣкъ. Изъ нихъ человѣкъ сто составляли уголовную аристократію тюрьмы: это были рецидивисты-профессіоналы, частью приговоренные къ арестантскимъ ротамъ или къ каторгѣ, частью ожидавшіе такого приговора. Приблизительно столько же было въ тюрьмѣ мелкихъ уголовныхъ преступниковъ, попавшихъ въ тюрьму кто по несчастью, кто по легкомыслію, кто случайно. Значительно малочисленнѣе была группа политиковъ, привлеченныхъ или осужденныхъ за опредѣленныя политическія преступленія (принадлежность къ партіи, агитація, храненіе литературы и т. п.). Сравнительно больше было административно арестованныхъ, обвиняемыхъ невѣдомо въ чемъ,

стоявшихъ на волѣ одинаково далеко отъ уголовщины и отъ политики, задержанныхъ по недоразумѣнію или, какъ выражались въ тюрьмѣ, „за покушеніе на подозрѣніе". Но всѣ эти четыре группы вмѣстѣ не составляли и половины населенія тюрьмы: другая, большая половина тюремнаго населенія состояла изъ „*смертниковъ*".

Всѣ эти люди ждали смертнаго приговора и казни... Рядомъ съ ними немало было въ тюрьмѣ и такихъ, которые были уже приговорены къ смертной казни предыдущими сессіями военнаго суда, но получили замѣну смертной казни каторгой на 15—20 лѣтъ или безъ срока.

И первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, было то, какъ *много* здѣсь смертниковъ. Правда, статистическія данныя вблизи кажутся больше, чѣмъ на бумагѣ, и потому неудивительно, что сравнительно небольшая цифра 5, 10, 20 смертныхъ казней становится чудовищно огромной, если эти казни происходятъ на твоихъ глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ тебя. Но меня поразило другое: неправильно вѣдь считать, что смертная казнь совершается только въ тотъ моментъ, когда намыленная веревка сдавливаетъ горло преступника, сердце его перестаетъ биться и изъ горла его вырывается послѣдній крикъ. Въ этотъ моментъ совершается лишь уничтоженіе преступника, умерщвленіе его. Смертная казнь, какъ

высшая мѣра наказанія, *прекращается* въ тотъ моментъ, когда прекращается его жизнь; пытка *ожиданіемъ, страхомъ* смерти *кончается* въ тотъ моментъ, когда палачъ, вышибивъ скамейку изъ-подъ ногъ жертвы, сбрасываетъ преступника въ бездну. Но *начинается* эта пытка гораздо раньше: иногда послѣ того, какъ судъ постановилъ свой приговоръ; иногда послѣ того, какъ осужденный узналъ объ отклоненіи его кассаціонной жалобы, или о задержаніи ея командующимъ войсками; иногда еще значительно раньше, съ того момента, когда обвиняемый увидѣлъ въ своемъ обвинительномъ актѣ роковую статью 279-ую, или съ тѣхъ поръ какъ онъ убѣдился, что охранное отдѣленіе подозрѣваетъ его и „лѣпитъ ему дѣло"...

Какихъ только людей не было среди „смертниковъ"! Казалось, тутъ переплелись всѣ теченія русской жизни, всѣ ея свѣтлые и мутные потоки. Большинство „смертниковъ" принадлежало къ разряду „политико-уголовныхъ", меньшинство — къ „политическимъ" или „уголовнымъ" въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. „Политическими" считались послѣдніе участники возстанія 1905-го года, обвиняемые по ст. 100-ой уголовнаго уложенія. „Уголовными" считались старые профессіональные грабители, судившіеся не разъ общеуголовнымъ судомъ, но попавшіе теперь подъ военный судъ потому, что при послѣднемъ

нападеніи, вмѣсто обычнаго уголовнаго: „Ложись и ни съ мѣста!", имъ вздумалось командовать по-экспропріаторски: „Руки вверхъ!". „Политико-уголовные" привлекались кто за убійство или нанесеніе ранъ (терроръ), кто за нападеніе и грабежъ (экспропріація), кто за сопротивленіе и отпоръ полиціи при задержаніи, кто за поджогъ (аграрный терроръ) кто за разсылку угрожающихъ писемъ (вымогательство).

Какъ разнообразны были преступленія, за которыя ждала этихъ людей смертная казнь, такъ же различны были сами люди. Смертники-уголовные смотрѣли на все окружающее съ презрѣніемъ. Они ненавидѣли политиковъ: „Изъ-за васъ, подлецовъ, умирать приходится. Сколько людей вы сгубили! Раньше окружный судилъ или палата, а теперь, съ вашей революціи, пошелъ военный судъ! То получилъ бы лѣтъ десять, или роты, а изъ-за васъ, вотъ, петля. Сволочь"!.. И эта была для нихъ неистощимая тема для ругани и насмѣшекъ надъ политиками. Судъ сильно волновалъ ихъ. Предстоящая казнь ихъ пугала, и уже задолго до суда они старались узнать форму прошенія о помилованіи.

Среди смертниковъ, ожидавшихъ казни за возстаніе 1905-го года, можно было замѣтить два рѣзко противоположныхъ теченія. Одни, оставшіеся вѣрными своимъ вѣрованіямъ, ждали суда и казни безъ страха, безъ трепета,

съ традиціонной для русскаго революціонера стойкостью; другіе, проклиная свое увлеченіе, проклиная „впутавшихъ" ихъ въ это дѣло, жили въ безумномъ страхѣ за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужасъ смерти. Между спокойствіемъ первыхъ и отчаяніемъ вторыхъ контрастъ былъ поразительный... Нѣкоторые изъ политиковъ, спокойно ожидавшихъ смерти, искренно жалѣли своихъ павшихъ духомъ, мечущихся въ отчаяніи товарищей. Но среди послѣднихъ было много людей, готовыхъ на что угодно, чтобы выкупить свою голову изъ неумолимой петли. И потому большинство политиковъ, оставшихся вѣрными своимъ старымъ идеаламъ, смотрѣли на раскаявшихся товарищей съ враждой и презрѣніемъ. Мнѣ, какъ юристу, показалось цѣннымъ одно наблюденіе: я замѣтилъ, что смертная казнь, предназначенная по своей „идеѣ" для самыхъ нераскаянныхъ преступниковъ, всего менѣе страшна именно для того, кто остался такимъ же, какимъ былъ въ моментъ совершенія преступленія; мучительной и ужасной она становится для преступника съ того момента, когда онъ начинаетъ *раскаяваться* въ совершенномъ преступленіи, когда онъ уже перестаетъ быть тѣмъ, котораго „надо" было повѣсить...

Наибольшее разнообразіе типовъ приходилось наблюдать между смертниками „поли-

тико-уголовными“: среди нихъ можно было прослѣдить всѣ оттѣнки, отъ революціоннаго подвижничества до грубѣйшей уголовщины; среди нихъ были люди хрустальной душевной чистоты, люди, полные безкорыстнѣйшей пламенной любви къ ближнимъ—и рядомъ съ ними люди развращенные, глубоко павшіе въ нравственномъ отношеніи, стоявшіе иногда ниже обыкновенныхъ „уголовныхъ“. Всѣ они объединялись въ тюрьмѣ подъ общимъ понятіемъ „уголовно-политическихъ“, но общее было у нихъ лишь одно: то, что всѣ они были преданы военному суду и всѣхъ ихъ ожидала висѣлица по 279-ой статьѣ.

Уже среди лицъ, привлекаемыхъ за террористическіе акты, были люди совершенно противоположныхъ чувствъ и стремленій. Вотъ—человѣкъ, до глубины души ненавидящій всякое насиліе, ненавидящій всякое пролитіе крови — и все-таки вышедшій на террористическій актъ. Вотъ — молодой рабочій, который съ пьяныхъ глазъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ постового городового. Вотъ — привычный экспропріаторъ, подкараулившій и убившій человѣка, который раньше вмѣстѣ съ нимъ совершалъ экспропріаціи, но затѣмъ поступилъ въ охранное отдѣленіе. Вотъ — „человѣкъ браунинга“, сдѣлавшій себѣ спеціальность изъ „шпикобойства“, т.-е. убійства низшихъ

агентовъ полиціи, которыхъ онъ ненавидитъ всей душой, ненавидитъ не менѣе сильно, чѣмъ прежнихъ товарищей по партіи, съ которыми онъ давно разошелся. . .

Еще разнообразнѣе прошедшіе передъ моими глазами „экспропріаторы“, составляющіе главный процентъ приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Идейныхъ людей среди нихъ было немного, и они рѣзко отличались отъ окружающей среды. Участники „партійныхъ“ или „групповыхъ“ экспропріацій, дѣйствовавшіе не ради личной наживы, люди, насильственно завладѣвшіе типографіей и захватнымъ путемъ, держа подъ дуломъ револьвера хозяина типографіи, отпечатавшіе здѣсь свои воззванія, отличались отъ другихъ политиковъ своимъ боевымъ темпераментомъ. Прямую противоположность имъ представляли „эксъ-исты“ въ узкомъ смыслѣ слова. Изъ нихъ нѣкоторые имѣли революціонное прошлое, но они ужъ давнымъ давно порвали съ своей партіей. Грабя въ свою пользу лавочки, устраивая облавы на артельщиковъ, убивая время отъ времени то городового, то стражника, и съ отчаянной смѣлостью отстрѣливаясь отъ погони, они на на волѣ привыкли называть и считать себя „революціонерами“, чаще всего—анархистами. Но ни съ революціей, ни съ анархизмомъ у нихъ не было ничего общаго. Тяжелую картину нравственнаго паденія

представляли собой эти люди. Но къ смерти они по большей части относи-относились такъ же хладнокровно, какъ же хладнокровно, какъ наиболѣе стойкіе политики. Трепетали передъ ожидаемой казнью и мелкіе вымогатели и грабители, усвоившіе нѣкоторые внѣшніе пріемы „мародеровъ революціи", но пользовавшіеся на волѣ революціоннымъ флагомъ съ сознательно корыстной цѣлью. Съ политиками эти мелкіе „эксъ-исты" вели войну еще на волѣ и, естественно, продолжали ее въ тюрьмѣ. Въ тюрьму попадали они, по большей части, довольно многочисленными группами, сразу по десяти-пятнадцати человѣкъ, такъ какъ при арестѣ каждый изъ нихъ спѣшилъ выдать товарищей. И въ тюрьмѣ они держались вмѣстѣ, тѣсно группируясь вокругъ своего предводителя (чаще всего - кокого-нибудь мелкаго подрядчика). На допросахъ, стараясь выпутаться, они выдавали другъ друга; послѣ суда писали прошенія о помилованіи, доходили даже до предложенія своихъ услугъ для вѣшанія другихъ осужденныхъ... Крестьянъ-аграрниковъ въ тюрьмѣ было немного, еще меньше чѣмъ „идейныхъ" экспропріаторовъ. Тѣ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить, представляли трагическую картину смѣси недоумѣнія и отчаянія: они какъ будто не понимали, въ чемъ ихъ обвиняютъ, а мысль о грозящей имъ казни была для нихъ такъ ужасна, что они не могли обнять ее своимъ смятеннымъ разумомъ.

Я отмѣтилъ главнѣйшія группы смертниковъ, но не упомянулъ еще о двухъ *основныхъ* группахъ, на которыя дѣлятся они всѣ — политики, уголовные и политико-уголовные, террористы, эксъ-исты и вымогатели. Эти двѣ группы: *виновные*, т.-е. люди, дѣйствительно совершившіе то дѣло, за которое имъ предстоитъ отвѣчать передъ судомъ и затѣмъ идти на висѣлицу, и *невинные*, т.-е люди, ни душой, ни тѣломъ не причастные къ тому дѣлу, за которое ихъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ, ибо противъ нихъ имѣются „улики".

Въ спорахъ о смертной казни всегда упоминаютъ о возможныхъ судебныхъ ошибкахъ. Сторонники висѣлицы указываютъ, что эти ошибки происходятъ крайне рѣдко. Люди, агитирующіе противъ смертной казни, подчеркиваютъ, какъ ужасна самая возможность ошибокъ. Я приведу лишь нѣкоторыя наблюденія по вопросу о процентѣ „невинныхъ".

Въ каждой большой тюрьмѣ заключенные довольно хорошо знаютъ, какое у кого дѣло. Въ частности мнѣ пришлось близко ознакомиться съ дѣлами многихъ заключенныхъ, такъ какъ ко мнѣ обращались то за юридическимъ совѣтомъ, то съ просьбой составить прошеніе. И я убѣдился, что среди „политико - уголовныхъ" процентъ невинно обвиняемыхъ, невинно осуждаемыхъ и невин-

но казнимыхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили мнѣ, что среди осужденныхъ на смерть лишь половину составляютъ виновные, а другую половину— невинные. Конечно, здѣсь есть преувеличеніе. Я думаю, что число невинныхъ среди приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ *рѣдко поднимается выше трети, а по большей части составляетъ не болѣе* $^1/_4$ *или* $^1/_5$. Цифра все же чудовищная! Вѣдь въ судебныхъ дѣлахъ по 279-ой статьѣ судъ почти никогда на принимаетъ свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ установленію alibi обвиняемаго. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ главнымъ матеріаломъ обвиненія являются всегда агентурныя или провокаторскія свѣдѣнія, взаимный оговоръ обвиняемыхъ, ихъ сознаніе на допросѣ и опознаніе ихъ со стороны пострадавшихъ. За полтора года мнѣ пришлось наглядѣться на смертныя дѣла, основанныя на этихъ „несомнѣнныхъ" данныхъ обвиненія. Я не знаю почти ни одной экспропріаторской шайки, въ которой не было бы провокатора. Если ему дорога жизнь, онъ не можетъ ограничиться передачей въ руки властей лишь опредѣленной группы людей, участвовавшихъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ оговоритъ гораздо большее число людей, долженъ оговорить всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ и съ жертвами его предательства, всѣхъ,

въ комъ онъ можетъ подозрѣвать будущихъ мстителей. Не изъ-за простой денежной корысти такъ поступаетъ провокаторъ: иначе, по самому существу дѣла, онъ и не можетъ дѣйствовать, если не хочетъ на другой же день послѣ предательства получить пулю въ лобъ. Эта причина вовлеченія въ дѣло невинныхъ существуетъ во многихъ дѣлахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ провокація. А на сколько мнѣ пришлось наблюдать, провокація лежитъ въ основаніи $^9/_{10}$ эксъ-истскихъ дѣлъ.

Взаимный оговоръ обвиняемыхъ приходится наблюдать въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ о мелкихъ шайкахъ эксъистовъ — „лавочниковъ" и „вымогателей". Эти мелкіе грабители, подъ вліяніемъ страха казни, на первомъ же допросѣ начинаютъ „сыпать" всѣхъ, кого только могутъ. Приставъ, жандармскій офицеръ или, на лучшій конецъ, слѣдователь излагаютъ имъ свои подозрѣнія, свои догадки и предположенія — и они сейчасъ же спѣшатъ подтвердить ихъ, а затѣмъ, запутавшись въ собственныхъ показаніяхъ, поддавшись на увѣренія, что запираться безполезно, признаются и въ томъ, что дѣлали, и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ никогда даже не слыхали. Въ „взаимныхъ оговорахъ" и „чистосердечныхъ признаніяхъ" этихъ смертниковъ правда тонетъ въ ворохахъ лжи. И въ дѣлахъ,

построенныхъ на подобныхъ данныхъ, нерѣдко половина обвиняемыхъ и половина осужденныхъ томится въ тюрьмѣ и идетъ на висѣлицу безъ всякой вины. На сколько мнѣ удалось замѣтить, это — не случайность, а неизбѣжный результатъ того, что обвиняемые и допрашиваемые находятся подъ страхомъ смертной казни. Судъ основывается на показаніяхъ, вырванныхъ у нихъ этимъ страхомъ.

„Опознаніе виновныхъ потерпѣвшими", играющее столь видную роль въ военныхъ судахъ, тоже является источникомъ судебныхъ ошибокъ. Даже несомнѣннаго участника нападенія потерпѣвшій почти никогда не можетъ опознать съ полной увѣренностью. Военные суды привыкаютъ къ тому, что, при несомнѣнной виновности обвиняемаго, потерпѣвшій, вмѣсто категорическаго: „онъ!" — говоритъ болѣе уклончиво и осторожно: „кажется, онъ... Тамъ былъ одинъ похожій... Навѣрное не знаю". Свидѣтель, зная, что своимъ показаніемъ онъ отправляетъ человѣка на висѣлицу, рѣдко рѣшается показывать съ большой увѣренностью, какъ бы хорошо ни помнилъ онъ лицо обвиняемаго. А затѣмъ идетъ безконечный рядъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемый только похожъ на участника того или другого нападенія, похожъ или ростомъ и фигурой, или цвѣтомъ волосъ, или прической, усами, бородой, или типомъ лица. И свидѣтель опять мнется: „Навѣрное

не знаю... Хорошенько я не разсмотрѣлъ, да и времени много прошло... А кажется былъ одинъ похожій... Только ростомъ повыше... А усы и борода вотъ такіе"... И суду этого достаточно: обвинительный приговоръ и смертная казнь. Такихъ случаевъ мнѣ пришлось наблюдать довольно много. И защитники, выступавшіе передъ военными судами, тоже знаютъ много такихъ примѣровъ. Подобныя „опознанія" невинныхъ фабрикуются охранниками съ величайшей легкостью.

Въ производствѣ имѣется множество дѣлъ о нападеніяхъ, участники которыхъ не обнаружены. По каждому дѣлу дѣлу имѣется рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ не дали пока въ руки правосудія необходимой нити для отысканія преступниковъ. И вотъ, арестовано лицо, замѣченное въ посѣщеніи опредѣленныхъ квартиръ, подозрѣваемое въ сношеніяхъ съ экспропріаторами. Опредѣленныхъ обвиненій противъ него нѣтъ. Естественно провѣрить, не принадлежитъ ли онъ къ числу разыскиваемыхъ, необнаруженныхъ злодѣевъ. Его карточку предъявляютъ свидѣтелямъ преступленій, дѣла о которыхъ находятся въ производствѣ. Въ концѣ концовъ, въ числѣ этихъ свидѣтелей легко можетъ найтись хоть одинъ, который покажетъ: „Не знаю... много времени прошло... А, кажется, былъ похожій... Вотъ только безъ усовъ и безъ бороды, а въ остальномъ похожій"... Свидѣ-

тели, не опознавшіе карточки преступника, въ судъ не будутъ вызваны—а свидѣтель, „опознавшій" преступника, вызывается и повторяетъ свое показаніе: „Много времени прошло, такъ что не помню!.. Навѣрное сказать не могу... Кажется, былъ одинъ похожій слегка... А впрочемъ, можетъ-быть и не онъ... Не знаю"... Подобнаго показанія для суда достаточно, такъ какъ и въ совершенно несомнѣнныхъ дѣлахъ потерпѣвшій и свидѣтели показываютъ немногимъ болѣе увѣренно и твердо.

И обвиняемые знаютъ, что значитъ „опознаніе"! Рано или поздно, среди десятковъ и сотенъ свидѣтелей найдется такой, который скажетъ: „кажется, похожъ"... Такимъ образомъ въ тюрьмѣ создается особая группа смертниковъ, не знающихъ точно, за какое преступленіе ихъ повѣсятъ, но убѣжденныхъ, что въ концѣ концовъ имъ не миновать висѣлицы. „Знаю, что за шею повѣсятъ, а больше ничего не знаю" — такъ говорятъ эти смертники, опредѣляя свое положеніе. Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось видѣть людей, которыхъ безуспѣшно опознавали по пяти различнымъ дѣламъ, а потомъ вѣшали по шестому.

Что же удивительнаго, что среди смертниковъ бываетъ не менѣе 20-25 процентовъ невинныхъ? Вѣдь я не упомянулъ еще о жертвахъ сознательныхъ, злостныхъ оговоровъ (какъ тѣ четверо крестьянъ, повѣшенныхъ за поджогъ), не упомянулъ и о жертвахъ провокаціи со стороны агентовъ охраны. Въ результатѣ, однако, у меня сложилось такое впечатлѣніе: прямыя злоупотребленія создаютъ лишь меньшую часть судебныхъ ошибокъ, а большая ихъ часть зависитъ просто отъ того факта, что въ дѣлахъ, которыя должны окончиться смертнымъ приговоромъ, все слѣдственное производство оказывается извращеннымъ и не ведетъ къ раскрытію истины.

Тюрьма знала, кто изъ смертниковъ сидитъ невинно. Какъ же эти невинные смертники сами относились къ своему положенію? Мнѣ не удалось замѣтить, чтобы ихъ отношеніе къ ожидающей ихъ казни существенно отличалось отъ того, какъ относились къ своей участи другіе смертники. Одни сохраняли полное равнодушіе и безъ всякаго страха ждали смерти; другіе метались въ отчаяніи, жили въ безумномъ ужасѣ и не знали, что предпринять, чтобы вырваться изъ петли.

IV.

Я встрѣчалъ людей, которые сидѣли по два—по два съ половиною года и больше въ ожиданіи суда по „смертной" статьѣ. Казалось бы, люди, которыхъ ждетъ висѣлица, должны были бы всячески стараться какъ-

нибудь отдалить свой конецъ. Такое изображеніе состоянія осужденнаго мнѣ не разъ приходилось встрѣчать и въ литературѣ. Но, какъ я убѣдился въ дѣйствительности, большинство смертниковъ ждетъ суда съ нетерпѣніемъ. Арестантъ, которому предстоитъ черезъ нѣсколько недѣль выйти на свободу, не считаетъ дней съ такимъ волненіемъ, какъ смертникъ, ожидающій суда. И это не надежда „выкрутиться" на судѣ, а именно желаніе, чтобы все кончилось скорѣе. Это страстное желаніе можно было наблюдать и у наиболѣе стойкихъ, наиболѣе спокойныхъ изъ смертниковъ, и у тѣхъ, которые всего сильнѣе цѣпляются за жизнь, всего мучительнѣе, всего острѣе переживаютъ страхъ передъ казнью. И тѣ, и другіе одинаково думаютъ о томъ, чтобы скорѣй кончилось ихъ неопредѣленное положеніе.

Впрочемъ, иногда у смертниковъ, ожидающихъ суда, мнѣ приходилось наблюдать и обратное стремленіе—стремленіе какънибудь отсрочить судъ. Это стремленіе я замѣчалъ, однако, не у кающихся преступниковъ, цѣпляющихся всѣми силами за ускользающую отъ нихъ жизнь и потерявшихъ голову отъ ужаса и отчаянія—а, наоборотъ, у людей стойкихъ, энергичныхъ, предпріимчивыхъ, любящихъ жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не боящихся смерти, готовыхъ съ улыбкой идти на висѣлицу. У этихъ людей всегда тлѣетъ

въ душѣ хоть искра надежды. Пока они живы, они борются за жизнь и надѣются... На что надѣются они? Да мало ли что можетъ случиться! Можетъ-быть удастся бѣжать изъ тюрмы; можетъ-быть Дума отмѣнитъ смертную казнь; можетъ-быть дѣло изъ военнаго суда перейдетъ въ палату... Мало ли что можетъ случиться!.. И какъ ни наивны эти надежды, ихъ достаточно, чтобы человѣкъ съ петлей на шеѣ жилъ спокойно изо дня въ день, не чувствуя себя обреченной жертвой. Эти надежды то угасаютъ, то вспыхиваютъ съ новой силой, когда вдругъ разнесется по тюрьмѣ слухъ, что отмѣняются военные суды или уничтожается смертная казнь.

Какъ должно отозваться въ человѣкѣ продолжительное ожиданіе смертной казни? На большинство людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, столь ненормальное положеніе оказывало глубокое дѣйствіе. Развивалась страшная нервность. Всѣ мысли направлялись въ одну сторону — въ сторону мечты о мести, мечты, порабощавшей себѣ все мышленіе, подобно бредовой идеѣ помѣшаннаго. Правда, я видѣлъ людей, которые встрѣчали смертный приговоръ съ другимъ, болѣе яснымъ настроеніемъ. Но мысли большинства были заполнены кошмарно-кровавыми мечтами о мести. И на этомъ фонѣ тѣмъ ярче вырисовывалась духовная сила тѣхъ людей, надъ чувствами и мыслями ко-

торыхъ безсиленъ былъ страхъ смерти, безвластенъ былъ ужасъ казни.

„Хотѣлось бы пожить еще хоть нѣсколько лѣтъ“ — говорилъ мнѣ одинъ молодой рабочій, ожидавшій казни за нападеніе на типографію: „теперь я могъ бы поработать по настоящему. Вѣдь на волѣ я только послѣдніе два года жилъ настоящей жизнью, а работать всего годъ пришлось, да и то неполный... Да, по правдѣ, хотѣлось бы еще хоть разъ повидать всѣхъ своихъ — семью, друзей, товарищей. Но я знаю, что повѣсятъ. Надеждами себя тѣшить, воздушные замки строить я не хочу... Значитъ, кончилось... А еслибы выйти теперь на волю, я знаю, что нужно дѣлать“... И онъ начиналъ рисовать планъ широкой культурной работы среди рабочихъ, безъ бомбистики, безъ браунинговщины, безъ заговорщества. Мечтать объ этомъ передъ казнью могъ только человѣкъ съ очень чистой и очень сильной душой.

Другой рабочій, арестованный еще въ 1905 г. за вооруженное возстаніе, въ которомъ онъ игралъ видную роль, такъ выражалъ свое отношеніе къ предстоящей казни: „Я и тогда шелъ навстрѣчу смерти, велъ съ собою другихъ людей и зналъ, на что иду, на что зову товарищей. Я ужъ давно, когда только вступалъ въ партію, взвѣсилъ все и все рѣшилъ. Тогда я рѣшилъ отдать жизнь за рабочее дѣло, за соціализмъ... И вотъ теперь отдаю жизнь. Еслибы я другого ждалъ, такъ теперь, пожалуй, пришлось бы задуматься... Но когда къ этому я самъ шелъ, самъ выбралъ свой путь? О чемъ теперь думать“?... И онъ, дѣйствительно, не поддавался ни страху, ни кошмарнымъ мечтамъ о мести, оставаясь до конца вѣрнымъ самому себѣ и своимъ идеаламъ.

А вотъ что пришлось мнѣ слышать отъ одного молодого человѣка, принадлежавшаго къ с.-р. партіи, но арестованнаго по чужому дѣлу и ожидавшаго казни по ложному обвиненію. „Мнѣ теперь все равно, — говорилъ онъ — если и на волю выйду. Изъ близкихъ никого не осталось въ живыхъ; друзья всѣ погибли. Кругомъ ужасъ что творится: развратъ, провокація, предательство“... И онъ шелъ въ судъ, не вѣря въ возможность оправданія, не надѣясь на оправданіе и почти не мечтая о свободѣ.

Такъ, или приблизительно такъ, смотрѣли на ожидавшую ихъ казнь лучшіе изъ смертниковъ-политиковъ. Кто примирялся съ нею, какъ съ неизбѣжностью, кто видѣлъ въ ней естественное завершеніе своей жизни, кто смотрѣлъ на нее какъ на избавленіе отъ тяжелой, кошмарной русской дѣйствительности...

Въ тюрьмѣ много говорили о висѣлицѣ, о палачѣ, о томъ, кого когда повѣсятъ. Это

былъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Видно, французская пословица: „въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ“ — сложилась не въ русской тюрьмѣ. И сперва мнѣ казалось страннымъ, какъ могутъ люди, обреченные висѣлицѣ, такъ весело, такъ легкомысленно говорить о казни. Позже я понялъ, что не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ тюрьма переполнена смертниками, гдѣ сотни людей думаютъ объ одномъ, ждутъ *одного*. . .

„Послѣ суда“ — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ двѣнадцати приговоренныхъ къ смерти за участіе въ возстаніи 1905-го года — „насъ сейчасъ же заковали и отдѣлили. Правда, не въ секретку заперли, а большую отвели камеру. Написали мы кассаціонную жалобу, но больше такъ себѣ, на авось: защитники заранѣе говорили, что толку не будетъ. Недѣли черезъ три отвѣтъ пришелъ, что командующій жалобѣ хода не далъ. На свиданіи намъ это передали. Ну, мы попрощались другъ съ другомъ и вечеромъ даже спать не легли: думали, той же ночью и на казнь насъ возьмутъ. Другой день съ утра тоже все ждали... Вообще первое время все ждали, ничѣмъ не занимались, даже не говорили между собой... Странно такъ: откроешь книгу — и не знаешь, придется ли страничку кончить; сядешь въ шашки играть — и не знаешь, придется ли партію окончить...

Все ждемъ, когда возьмутъ на казнь. А жили дружно: все свои, товарищи. Потомъ къ намъ въ камеру еще двоихъ посадили, осужденныхъ за нападеніе какое-то. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль; подъ конецъ мы привыкли. Книжки у насъ были кое-какія. Ну, стали заниматься, кто ариѳметикой, кто грамматикой, кто французскимъ языкомъ. Только по утрамъ занимались, а послѣ обѣда, какъ начнетъ темнѣть, такъ ужъ не могли заниматься. Все ждемъ и на дверь поглядываемъ. И утро быстро проходитъ, а вечеръ тянется, тянется и конца ему нѣтъ. Такъ мы сидѣли еще мѣсяцевъ шесть. Потомъ тѣхъ двухъ взяли... Мы за нихъ домой прощальныя письма писали. А насъ все не берутъ. Мы ужъ и ждать устали. Думаемъ, можетъ-быть замѣнили намъ висѣлицу. Справились у администраціи. Начальникъ говоритъ: ничего еще неизвѣстно. Такъ еще шесть мѣсяцевъ прошло. Только черезъ четырнадцать мѣсяцевъ послѣ суда объявили намъ, что вѣшать никого не будутъ, что всѣмъ висѣлица замѣнена каторгой — кому на двадцать лѣтъ, кому безъ срока. Значитъ, четырнадцать мѣсяцевъ насъ продержали такъ, зря... Вѣдь они-то сразу рѣшили, замѣнять или нѣтъ. Зачѣмъ же издѣвались надъ людьми“?...

Другому смертнику предстояла висѣлица по „линку“, т.-е. по чужому дѣлу. Три раза

жандармы предъявляли его для опознанія старухѣ-крестьянкѣ, бывшей единственною свидѣтельницей какой-то экспропріаціи. Въ первый разъ старуха замахала руками: „Не онъ, не онъ. И не похожъ совсѣмъ!“ Но жандармскій офицеръ строго сказалъ ей: „Смотрите хорошенько! Намъ отлично извѣстно, что это онъ самый; можетъ быть, онъ измѣнился. Теперь безъ усовъ, а тогда былъ съ усами. Платье тоже мѣняетъ. Смотрите хорошенько“. Не добившись отъ свидѣтельницы толку, офицеръ отпустилъ ее. Но черезъ недѣлю новое опознаніе. На этотъ разъ старуха сказала: „Не видала я токого. Можетъ и былъ онъ, да я не припомню: давно ужъ было“... Еще черезъ мѣсяцъ снова призвали старуху, и офицеръ въ присутствіи обвиняемаго сталъ кричать: „Смотрите лучше! Что вы разбойника покрываете? Мы-то отлично знаемъ, что это онъ былъ! Не могли вы не видѣть; только сказать не хотите“. Старуха перепугалась: „Я и то припоминаю, что былъ похожій... да измѣнился онъ сильно“. И обвиняемый понялъ, что участь его рѣшена. Онъ не пытался ни оправдываться ни защищаться, зная, что все будетъ напрасно. И, дѣйствительно, онъ былъ повѣшенъ. Задолго до полученія обвинительнаго акта, онъ зналъ уже, что ждетъ его, но былъ вполнѣ спокоенъ. Полученіе обвинительнаго акта, однако, взволновало его: въ обвинительномъ

актѣ оказались подробности приписываемаго ему преступленія, подробности грязныя, постыдныя, и самое дѣло оказалось обыкновеннымъ грабежомъ, съ рядомъ звѣрскихъ убійствъ. И смертникъ, принадлежавшій на волѣ къ с.-д. партіи, мучился мыслью, какъ бы товарищи не повѣрили обвиненію, какъ бы не усумнились въ его честности. До суда и послѣ суда эта мысль волновала его сильнѣе, чѣмъ предстоящая смерть. И въ самый день казни онъ написалъ на стѣнѣ своей секретки: „Товарищи! Передайте тѣмъ, кто на волѣ зналъ меня за с.-д., что я до смерти остался вѣрнымъ своей партіи, что я умираю какъ с.-д., что я не виновенъ въ томъ подломъ дѣлѣ, за которое меня повѣсили“.

Сколько такихъ же краткихъ и такихъ же искреннихъ завѣщаній сохранилось на стѣнахъ тюремной секретки! А сколько человѣкъ сошло въ могилу, не успѣвъ нацарапать на стѣнѣ даже такого завѣщанія, такъ какъ у нихъ не было подъ руками ни обломка карандаша, ни гвоздя!

V.

Въ тюрьмѣ было четыре секретки. Всѣ четыре помѣщались ниже уровня земли. Узкія, сырыя, вѣчно полутемныя, онѣ невольно заставляли думать о могилѣ. Каждая секретка освѣщалась узкимъ окномъ, задѣ-

ланнымъ толстой рѣшеткой и поднимавшимся на аршинъ надъ землею. Особымъ коридорчикомъ двери секретокъ изолировались отъ остальныхъ помѣщеній тюрьмы, но окна секретокъ выходили въ тюремный дворъ и черезъ эти окна заключенные, сидѣвшіе въ противоположномъ корпусѣ тюрьмы, могли видѣть смертниковъ и сообщаться съ ними.

Во время сессій военно-окружного суда относительно смертниковъ соблюдался въ тюрьмѣ такой порядокъ. Утромъ въ день суда заключенные, обвиняемые по „смертной" статьѣ, выходили на коридоръ со всѣми своими вещами и съ казеннымъ матрасомъ. Дѣлалось это для того, чтобы приговоренный къ смерти не заходилъ послѣ суда въ свою камеру, гдѣ у него могло быть припрятано что-нибудь въ родѣ ножа, яда и т. п. Оправданный или приговоренный къ каторгѣ по возвращеніи изъ суда получалъ обратно матрасъ и вещи и помѣщался въ прежнюю камеру. Матрасы, оставшіеся на коридорѣ, показывали число приговоренныхъ въ этотъ день къ смертной казни. Осужденные на смерть не возвращались въ камеры: ихъ подъ воротами переодѣвали въ другое казенное бѣлье и платье, заковывали по рукамъ и по ногамъ и отводили въ одну изъ секретокъ. Въ теченіе сессіи военнаго суда съ каждымъ днемъ расло число заключенныхъ въ секреткахъ. Къ концу сессіи это число подни-

малось до пятидесяти и выше. Затѣмъ, послѣ закрытія сессіи, секретки начинали мало-помалу освобождаться: нѣкоторымъ заключеннымъ объявляли замѣну казни каторжными работами, другихъ то по-одиночкѣ, то подвое, по-трое, то бо́льшими группами переводили въ N-ную часть и тамъ вѣшали.

Трудно, не видѣвъ, представить себѣ, что̀ представляла собой жизнь смертниковъ въ этихъ секреткахъ. Если и въ другихъ камерахъ тюрьмы жизнь была не сладкая, то здѣсь былъ подлинный адъ.

Въ тѣсной, сырой камерѣ, безъ коекъ, безъ наръ, безъ всякаго подобія мебели, сидѣло по десяти-двѣнадцати человѣкъ. Скованные по рукамъ и по ногамъ, они не могли ни лечь, ни сѣсть на землю безъ того, чтобы желѣзо не впивалось имъ въ тѣло. Нельзя было ни расправить онѣмѣвшіе члены, ни перемѣнить бѣлье, ни согрѣться усиленнымъ движеніемъ. Секретки почти не отапливались; воздухъ былъ въ нихъ затхлый, сырой. Зимой вода струйками стекала со стѣнъ, стояла лужами на полу, а паръ отъ дыханія клубами держался въ воздухѣ. Разбитыя стекла въ окнахъ не вставлялись. Арестанты валялись на земляномъ полу безъ матрасовъ, не имѣя чѣмъ прикрыться. Нѣкоторые, чтобы согрѣться, ходили изъ угла въ уголъ. И днемъ, и ночью неслись изъ секретокъ рѣзкіе звуки бряцанія ручныхъ и ножныхъ цѣпей. Чтобы

понять эту пытку, нужно знать, что такое ручныя и ножныя цѣпи, въ которыя заковывались смертники. Ножныя цѣпи, налагаемыя по закону на всѣхъ каторжанъ, сами по себѣ не очень сильно стѣсняютъ движеніе. Онѣ мѣшаютъ только быстрой ходьбѣ, сильно утомляютъ ноги, вызываютъ въ ногахъ ревматическія боли. Мучительными становятся онѣ лишь зимою, при морозахъ и при отсутствіи теплой одежды и подкандальниковъ. Ручныя цѣпи, по закону, налагаются лишь на короткое время: при перевозкѣ арестантовъ, на буйствующихъ арестантовъ въ видѣ наказанія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на каторжанъ высшихъ разрядовъ. Эти цѣпи почти не обременяютъ рукъ (такъ какъ вѣсъ ихъ—отъ 1½ до 2 фунтовъ — для рукъ мало ощутителенъ); ихъ кольца, довольно широкія, обшитыя кожей, не рѣжутъ тѣло. Въ этомъ отношеніи ручныя цѣпи представляютъ для арестанта менѣе тяжелую обузу, чѣмъ ножныя кандалы. Но ручныя цѣпи настолько коротки, что совершенно парализуютъ движенія арестанта. Совершенно невыносимо единовременное наложеніе ручныхъ и ножныхъ кандаловъ, особенно при той обстановкѣ, въ которой сидѣли смертники. Если смертники подходили къ окнамъ, шумѣли, если вообще они навлекали на себя чѣмъ-нибудь гнѣвъ администраціи, имъ заворачивали руки за спину и сзади за спиной сковывали ихъ. Въ такомъ

положеніи не только нельзя было лечь на землю, не испытывая боли, но нельзя было ни ѣсть, ни пить иначе, какъ опустивъ голову въ кадушку съ водой или въ бакъ съ казеннымъ обѣдомъ. Въ такомъ положеніи смертниковъ оставляли иногда по нѣсколько дней. Въ это время натянутыя сзади оковы почти не бряцали. Изъ секретокъ слышался лишь звонъ тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ.

Смертники были лишены книгъ и письменныхъ принадлежностей. Большую часть времени они были лишены также чая и сахара. Но, пожалуй, всего мучительнѣе было для нихъ лишеніе табаку. При страшномъ напряженіи нервовъ, при удручающей внѣшней обстановкѣ, въ ожиданіи дня и часа казни, человѣкъ до болѣзненности остро ощущаетъ потребность хоть чѣмъ-нибудь, хоть папиросской одурманить себя.... Въ литературѣ, при описаніи смертныхъ казней, часто рисуютъ осужденнаго, послѣднее желаніе котораго передъ казнью заключается въ томъ, чтобы ему дали выкурить папироску, сигару или трубку. Я допускаю, что въ этомъ нѣтъ натяжки: по крайней мѣрѣ смертники въ секреткахъ ни на что не жаловались такъ, какъ на отсутствіе табаку... Другіе заключенные старались помочь смертникамъ, старались облегчить ихъ положеніе, употребляли всевозможныя ухищренія, чтобы передать имъ хоть немного махорки и нѣсколько спичекъ.

Иногда удавалось забросить пакетикъ съ табакомъ въ окно. Иногда пакетикъ отскакивалъ отъ прутьевъ рѣшетки, падалъ на землю подлѣ самаго окна—и смертники со скованными руками по полчаса, по часу бились, чтобы втащить въ камеру этотъ крошечный пакетикъ съ ½ восьмушки махорки. Иногда подъ окнами секретокъ оказывался часовой съ жалостливымъ сердцемъ, и заключеннымъ удавалось склонить его передать смертникамъ немного табаку. Порой изъ секретокъ слышались взрывы смѣха, звуки пѣсни. Да! и въ этихъ ужасныхъ условіяхъ бодрость и веселость не всегда покидали людей. Тягостны были эти звуки неестественнаго веселья, вылетавшие изъ секретокъ.

У смертниковъ часто выходили столкновенія съ часовыми изъ-за окна. Запертые въ душной и темной ямѣ, смертники невольно тянулись къ окну. Слишкомъ тяжело было дышать въ глубинѣ секретки. Слишкомъ темно было тамъ, слишкомъ мрачно. А въ окно виденъ былъ клочекъ неба, видны были окна противоположнаго корпуса тюрьмы, видны были сочувствующія лица другихъ заключенныхъ. Въ окно иногда можно было переброситься парой словъ съ товарищемъ или знакомымъ, можно было уловить его участливый взглядъ, послать ему прощальную улыбку. Часовые не подпускали смертниковъ къ окну, штыкомъ отгоняли ихъ отъ рѣшетки,

поминутно съ угрозами закрывали окна секретокъ. Часто смертники безропотно подчинялись требованію часового: отходили послѣ его окрика отъ рѣшетки, не пытались открыть закрытаго имъ окна. Но иногда приходилось наблюдать такія сцены.

За рѣшеткой секретки блѣдныя лица смертниковъ. Часовой остановился прямо противъ окна, но смертники какъ будто не замѣчаютъ его.

— Отойди отъ окна! . .

Смертники стоятъ за рѣшеткой не двигаясь.

— Тебѣ говорятъ, отойди!

Изъ секретки раздается нетвердый просительный голосъ:

— Господинъ часовой! Дышать вѣдь нечѣмъ! Смотрите, сколько народу набито... Больные есть.

— Не разговаривай! Отходи, когда сказано!

Смертники что-то возражаютъ, но часовой съ шумомъ захлопываетъ окно и отходитъ съ видомъ побѣдителя, въ сознаніи своей силы. Но черезъ минуту окно снова открывается. Часовой опять бросается къ секреткѣ.

— Кто окно открылъ? . . . Собаки!

— Господинъ часовой, дышать вѣдь нечѣмъ. . .

— Не разговаривать! Арестантская морда! Какъ собаку застрѣлю!.. Закрой окно!..

— Ну, стрѣляй, бей! Не боимся тебя.

Часовой цѣлится, наводя ружье то на одного изъ заключенныхъ, то на другого.

Арестанты, громко перебивая другъ друга, бранятъ часового, стараясь заставить его выстрѣлить, чтобы пуля его ружья хоть одного изъ нихъ избавила отъ этихъ мукъ. Но часовой сбитъ съ толку и не знаетъ, что дѣлать. Онъ продолжаетъ грозиться, продолжаетъ кричать, но не рѣшается стрѣлять и отходитъ отъ секретки. А смертники остаются за рѣшеткой у открытаго окна, съ блѣдными, унылыми лицами. Смерть, легкая, хорошая смерть отъ ружейной пули только-что улыбнулась имъ, но они напрасно понадѣялись на нее.

Убить смертника для тюремной администраціи не представляло никакого смысла. И смертниковъ не убивали. Но били смертниковъ безпощадно. Били ихъ по жалобѣ часовыхъ и надзирателей за всевозможныя мелкія нарушенія дисциплины, били и безо всякаго повода. Въ секретку входило сразу отъ 10 до 12 вооруженныхъ надзирателей, и пока двое-трое изъ нихъ били, остальные держали толпу смертниковъ подъ дулами наведенныхъ револьверовъ. Слышны были звуки ударовъ, стоны избиваемыхъ, крики, бряцаніе цѣпей.

Въ окна видно было, какъ брали смертниковъ на казнь. Брали ихъ изъ секретокъ при вечерней повѣркѣ.

Вотъ въ секретку вошло сразу человѣкъ 15 надзирателей. Револьверы у большинства въ рукахъ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ берданки. Смертники, выстроившіеся у стѣны въ ожиданіи повѣрки, знаютъ, что это значитъ. Знаютъ они и то, чья сегодня очередь. Двое изъ надзирателей подходятъ къ намѣченному смертнику и берутъ его за плечи. Выведя его на середину секретки, его пригибаютъ къ землѣ, такъ что цѣпь, которою скованы его руки, оказывается на землѣ.

— Подыми ногу!..

Осужденнаго берутъ за ногу и заставляютъ его переступить черезъ лежащую на землѣ цѣпь, сковывающую его руки. Затѣмъ его тянутъ за плечи вверхъ и заставляютъ наполовину выпрямиться. Скрещенныя ручныя и ножныя цѣпи натягиваются, и несчастный окончательно лишается способности двигать руками и ногами. Два надзирателя подхватываютъ смертника сзади, третій, съ ружьемъ наготовѣ, становится прямо передъ нимъ.

— Пошелъ!..

И группа изъ четырехъ человѣкъ двигается въ путь. Два надзирателя несутъ смертника, третій замыкаетъ шествіе. И не

звенятъ крѣпко натянутыя скрещенныя цѣпи. И замираютъ на устахъ послѣднія слова:

— Прощайте, товарищи!

VI.

То, что я написалъ о жизни переполненныхъ смертниками секретокъ, можетъ дать лишь самое слабое представленіе объ этой жизни. Нужно быть художникомъ, чтобы изобразить этотъ адъ, а я не могу быть художникомъ. Я хочу только, какъ невольный наблюдатель, возможно точно передать хоть часть того, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши за послѣдніе полтора года. Но слишкомъ бѣдно мое слово сравнительно съ ужасомъ пережитыхъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Казни какъ-то вошли въ обиходъ жизни, казались чѣмъ-то естественнымъ и обычнымъ. Всѣ сознавали, что происходитъ передъ ними, но не чувствовали ужаса того, что происходитъ. Или нѣтъ! Всѣ чувствовали этотъ ужасъ, задыхались отъ этого ужаса, но совершенно не воспринимали, не оцѣнивали отдѣльныхъ явленій, изъ которыхъ онъ слагался.

Однажды изъ переполненной секретки послышался страшный, отчаянный вопль. Этотъ вопль несся по всей тюрьмѣ, заглушая всѣ звуки. Заключенные бросились къ окнамъ. Въ окнѣ одной изъ секретокъ виднѣлся

голый человѣкъ. На немъ не было никакой одежды, ни рубахи, ни штановъ. Только на рукахъ и на ногахъ его были цѣпи. Руки и ноги его были далеко просунуты между прутьевъ рѣшетки. Впившись въ рѣшетку, онъ кричалъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Ни словъ, ни мысли, ни выраженія не было въ этомъ крикѣ. Какъ будто это былъ не голосъ человѣка, а вой животнаго. Сзади виднѣлись встревоженныя лица товарищей несчастнаго. Они пытались оторвать его отъ рѣшетки, успокаивали его, хватали его за плечи.

Къ окну подбѣжалъ часовой съ ружьемъ наперевѣсъ, съ наставленнымъ штыкомъ. Увидѣвъ сумасшедшаго, онъ остановился передъ нимъ въ недоумѣніи. Сбѣжались надзиратели, пришелъ помощникъ начальника тюрьмы. Но смертникъ никого не видѣлъ передъ собой, ничего не слышалъ и продолжалъ кричать. Его безсвязный крикъ сталъ только болѣе осмысленнымъ, и среди звуковъ звѣринаго воя можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Оставьте... Пустите... Бою-юююю-св... Стра-а-а-шно... Аа-а!

Нѣсколько надзирателей вошли въ секретку и силой оторвали сумасшедшаго отъ рѣшетки. Но изъ глубины секретки попрежнему несся его крикъ. Наконецъ звуки смолкли: несчастнаго куда-то увезли.

Другіе случаи умопомѣшательства носили болѣе тихій характеръ; но основная бредовая идея, пунктъ помѣшательства во всѣхъ случаяхъ были одинаковы.

Всегда ли такъ дѣйствуетъ крикъ сумасшедшаго, или этотъ крикъ казался ужаснымъ именно здѣсь — я не знаю. Но только... Я считалъ всегда, что у меня нервы крѣпкіе... И все же, когда я слышалъ крикъ сумасшедшаго, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ, сейчасъ и я начну кричать, какъ онъ.

Другой сумасшедшій все время видѣлъ передъ собой какое-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно забавное зрѣлище. Онъ громко смѣялся, билъ въ ладоши, кричалъ, какъ бы охваченный какимъ-то бѣшенымъ восторгомъ. И по нѣкоторымъ словамъ, прорывавшимся въ его крикѣ, можно было опредѣлить, что забавное зрѣлище, рисовавшееся его воображенію, было зрѣлище... висѣлицы и смертной казни.

Этого человѣка администрація сперва сочла за симулянта, и его очень долго не брали изъ секретки.

Сумасшествіе являлось такимъ естественнымъ выходомъ изъ положенія смертника, что много разъ приходила мнѣ въ голову мысль: почему столь малый процентъ смертниковъ сходитъ съ ума? Почему сумасшествіе среди осужденныхъ на казнь не принимаетъ болѣе массоваго характера? По моимъ

наблюденіямъ изъ ста приговоренныхъ къ висѣлицѣ съ ума сходятъ лишь три-четыре человѣка, не больше. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у большинства смертниковъ уже до суда почти исчезаетъ страхъ смерти.

Другой естественный выходъ изъ положенія смертника — самоубійство. Нѣкоторыя самоубійства смертниковъ попадаютъ въ газеты; но еще больше такихъ случаевъ остаются неизвѣстными обществу. Въ тюрьмѣ самоубійства у всѣхъ на виду, и администраціи никогда не удается скрыть ихъ отъ заключенныхъ. При мнѣ девять человѣкъ изъ числа смертниковъ покончили съ собой. А пытавшіеся покончить съ собой, изыскивавшіе средства къ самоубійству составляютъ очень значительную часть всего числа смертниковъ.

Людямъ, у которыхъ есть завтрашній день, людямъ, которые не приговорены къ смертной казни, трудно представить себѣ, какое мѣсто въ жизни смертниковъ занимаетъ вопросъ о самоубійствѣ. У приговореннаго къ казни имѣются только два пути, избавляющіе его отъ висѣлицы: первый путь — замѣна смертной казни каторгой, второй путь — самоубійство. И кто не надѣется на замѣну, надѣется на то, что ему удастся избѣгнуть висѣлицы посредствомъ самоубійства. Чуть ли не каждый смертникъ думаетъ о самоу-

бійствѣ. Но тѣ, въ комъ всего сильнѣе говоритъ голосъ страха смерти, только *думаютъ* о самоубійствѣ, не предпринимая никакихъ шаговъ для осуществленія этой мысли: на первомъ планѣ для нихъ остается надежда на замѣну висѣлицы каторгой. Остальные всѣ заняты изысканіемъ средствъ, какъ покончить съ собой. Различные способы самоубійства, преимущество различныхъ видовъ смерти — одна изъ обычнѣйшихъ темъ разговора между смертниками. Какую жилу легче всего вскрыть себѣ при помощи осколка стекла, чѣмъ можно вѣрнѣе всего отравиться, какой ядъ легче всего достать — вотъ кругъ вопросовъ, въ которомъ естественно вращается мысль смертника.

Призракъ висѣлицы дѣлаетъ для смертника отвратительной мысль о томъ, чтобы покончить съ собой при помощи самоудушенія; мнѣ пришлось за полтора года наблюдать лишь одну такую попытку. Еще рѣже смертники, задумавъ самоубійство, обращаются къ ножу. Происходитъ это по всей вѣроятности потому, что никто не вѣритъ въ возможность покончить съ собой сразу при помощи самодѣльнаго жестяного ножичка или осколка стекла. А слегка ранить себя, мучиться, чтобы потомъ все же умереть отъ руки палача? Нѣтъ! Лучше спокойно ждать, когда возьмутъ тебя на казнь. . . Отъ такихъ отчаянныхъ способовъ самоубійства, какъ

самосожженіе, попытка разбить себѣ голову объ камни, попытка уморить себя голодомъ, большинство удерживалось потому, что всѣ эти виды смерти сопряжены съ жестокими физическими мученіями. Вообше, какъ мнѣ кажется, такія отчаянныя попытки самоубійства не могутъ быть продиктованы простымъ желаніемъ избавиться отъ петли: за ними должны стоять другія, болѣе могущественныя, болѣе настоятельныя побужденія.

Многіе пытаются покончить съ собой при помощи имѣющихся подъ рукой средствъ — напр., выпивъ густой настой изъ восьмушки махорки на одинъ стаканъ воды, съѣвши цѣлый фунтъ или полфунта чаю. Но эти средства оказываются недостаточными. Настой махорки вызываетъ сильный жаръ, иногда соединенный съ бредомъ, рвоту, кровохарканье; но эти страданія не приностяъ съ собой избавительницы — смерти. Большое количество сухого или размоченнаго въ водѣ чая сильно дѣйствуетъ лишь на людей съ больнымъ сердцемъ. Но и у нихъ дѣло ограничивается сильнымъ сердечнымъ припадкомъ, обморокомъ, продолжительной слабостью — а смерть не приходитъ. Остается, значитъ, одна единственная надежда: на „настоящій" ядъ. И люди, которымъ предстоитъ смертная казнь, усердно ищутъ яда. Съ неменьшимъ усердіемъ ищутъ его и тѣ, которые имѣютъ близкихъ и друзей, ждущихъ

смерти въ секреткахъ. Какъ проникаетъ ядъ въ тюрьму? Какъ попадаетъ онъ въ руки смертниковъ? Да тѣмъ же путемъ, какимъ проходитъ въ тюрмы оружіе, динамитъ: благодаря продажности тюремной стражи... Мечтой каждаго смертника былъ ціанистый кали. Но это средство и на волѣ достать очень трудно: оно оказывалось въ рукахъ лишь у тѣхъ, кто заранѣе, еще до тюрьмы, приготовился къ смерти и ухитрился пронести ядъ съ собою въ тюрьму... Гораздо чаще употребляли морфій и стрихнинъ. Но при попыткахъ отравленія морфіемъ — а такихъ попытокъ при мнѣ было не менѣе двадцати — обнаруживалось странное явленіе: морфій ве дѣйствовалъ на смертниковъ. Не знаю, отъ чего это зависѣло. Можетъ-быть, имѣвшійся въ распоряженіи смертниковъ морфій былъ ненадлежащаго качества. Можетъ-быть, смертники слишкомъ дробили имѣвшійся у нихъ драгоцѣнный ядъ и принималн недостаточныя дозы его. Можетъ-быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дозы, напротивъ, были слишкомъ велики. Можетъ-быть, наконецъ, морфій, который, кажется, поражаетъ центральную нервную систему, не дѣйствуетъ на людей, нервы которыхъ находятся въ черезчуръ напряженномъ состояніи. И тяжело было пробужденіе смертниковъ, безуспѣшно пытавшихся покончить съ собой при помощи морфія.

Гораздо вѣрнѣе дѣйствовалъ стрихнинъ. Въ тюрьмѣ былъ праздникъ, когда по камерамъ разносилась вѣсть, что одному-двумъ смертникамъ удалось покончить съ собой: вѣдь это была побѣда надъ висѣлицей.

—

VII.

У смертниковъ бросалось въ глаза отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, въ частности — поразительное отсутствіе интереса къ политикѣ. Говорили о казни, о самоубійствѣ, о различныхъ нападеніяхъ, экспропріаціяхъ, террористическихъ актахъ, и во всѣхъ разговорахъ была кровь, кровь и кровь. Другихъ, болѣе „мирныхъ" разговоровъ среди смертниковъ почти не было.

Въ большомъ ходу были въ тюрьмѣ самосуды надъ предателями и надъ лицами, заподозрѣнными въ предательствѣ. Предателей среди заключенныхъ дѣйствительно было немало, такъ какъ на допросахъ, изъ страха смерти, многіе выдавали товарищей. Часто, однако, нельзя было установить съ достаточной точностью, кто кого оговорилъ, кто кого выдалъ. И тогда дѣло рѣшалось сплеча, безъ провѣрки обвиненія, даже безъ попытки разобраться въ немъ, и рѣшалось по большей части убійствомъ.

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ расло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при мнѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ осудить на смерть другого; ихъ совсѣмъ, повидимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиновнымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекался по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспропріаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ-быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ-быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался „взять дѣло на себя“. Казалось страннымъ, какъ

могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и местью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія — это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразномъ, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красивость...
...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразилъ одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со „шпиками“ и провокаторами, которыхъ они знали по волѣ. „Эксъисты“ всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на „дѣла“, и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянство-

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ расло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при мнѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ осудить на смерть другого; ихъ совсѣмъ, повидимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиновнымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекался по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспропріаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ-быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ-быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался „взять дѣло на себя“. Казалось страннымъ, какъ

могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и местью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія — это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразномъ, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красивость...
...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразилъ одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со „шпиками“ и провокаторами, которыхъ они знали по волѣ. „Эксъисты“ всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на „дѣла“, и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянство-

вали. И видя, что съ висѣлицы ужъ „не сорваться", люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать „хоть одно доброе дѣло". Такимъ добрымъ дѣломъ было „взять съ собой на висѣлицу" — т.-е. оговорить — какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или „шпика". Иногда брали шпиковъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчало почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга „брали съ собой по дѣлу" изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопроса о принципіальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшеніе...

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ—самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ

человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринимались безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу, — предпринимались смертниками „такъ себѣ", „на авось", „съ отчаянія" и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: „Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ ждать". И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казнью бранили палача, прокурора, священника, пытались

вали. И видя, что съ висѣлицы ужъ „не сорваться“, люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать „хоть одно доброе дѣло“. Такимъ добрымъ дѣломъ было „взять съ собой на висѣлицу“ — т.-е. оговорить — какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или „шпика“. Иногда брали шпиковъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчало почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга „брали съ собой по дѣлу“ изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопроса о принципіальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшеніе. . .

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ—самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ

человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринимались безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу, — предпринимались смертниками „такъ себѣ“, „на авось“, „съ отчаянія“ и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: „Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ ждать“. И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казнью бранили палача, прокурора, священника, пытались

сами накинуть петлю себѣ на голову... Но бороться, сопротивляться и они не пытались. Болѣе робкіе принимали священника и выслушивали отъ него напутственное слово. Самые слабые, не ожидавшіе казни, плакали, бились о землю...

Отъ чего происходила эта удивительная покорность казнимыхъ? Мнѣ кажется, что она вполнѣ объясняется упадкомъ энергіи, особой пассивностью, которая овладѣваетъ человѣкомъ, потерявшимъ надежду на жизнь, человѣкомъ, у котораго нѣтъ завтрашняго дня. Не надѣясь ни на что, ни во что не вѣря, живя изо дня въ день въ кошмарномъ бреду, съ хаосѣ физическихъ и нравственныхъ мукъ и мыслей о мести, онъ уже не можетъ дѣйствовать. Ему трудно и самому покончить съ собою, и бороться за сохраненіе жизни. Остается лишь ждать дня казни.

VIII.

Съ вопросомъ о томъ, какъ вліяетъ атмосфера висѣлицъ на людей, тѣсно связанъ вопросъ о палачахъ. Это отвратительный вопросъ, какъ отвратительно и все остальное, о чемъ мнѣ приходится писать. Пройти молча мимо этого вопроса я не могу и хочу подѣлиться нѣкоторыми своими наблюденіями.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ я сидѣлъ, въ 1906-мъ году не было палача. Нѣсколько разъ выпол-

неніе смертнаго приговора откладывалось на многіе мѣсяцы, такъ какъ властямъ не удавалось подыскать человѣка, который привелъ бы въ исполненіе приговоръ. Въ 1907-мъ году палачъ нашелся. Въ одной большой камерѣ арестанты-уголовные избили одного изъ своей среды. Неизвѣстно, на какой почвѣ произошла свалка. Избитый просилъ администрацію, чтобы его перевели въ отдѣльную камеру. Его перевели. Въ отдѣльной камерѣ онъ сталъ обдумывать планъ мести своимъ обидчикамъ, и, надумавъ, предложилъ начальству свои услуги въ качествѣ вѣшателя. Эго былъ здоровый, сильный человѣкъ, съ очень обыкновеннымъ и очень тупымъ лицомъ. Сидѣлъ онъ за какой-то мелкій разбой съ убійствомъ. Начальство признало его годнымъ для роли палача.

Я видѣлъ этого палача въ N-ой части. На какихъ условіяхъ онъ работалъ, я не знаю. Надзиратели передавали, что за каждаго повѣшеннаго онъ получаетъ 25 рублей и три мѣсяца скидки со своего срока. Кромѣ того каждый разъ послѣ приведенія въ исполненіе приговоровъ, вынесенныхъ послѣдней сессіей военнаго суда, онъ получалъ въ подарокъ новое платье. Передъ каждой казнью его поили водкой.

Благодаря тому, что работы было много, этотъ палачъ весьма быстро „отработалъ“ свой срокъ, и уже въ 1908-мъ году вышелъ

на волю. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его снова привели въ тюрьму — на этотъ разъ въ качествѣ смертника. Оказалось, что за короткое время, проведенное на свободѣ, онъ успѣлъ совершить цѣлый рядъ грабежей, изъ которыхъ нѣкоторые сопровождались убійствами. Не дожидаясь суда, онъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы ему разрѣшили приняться за отправленіе своего прежняго ремесла, чтобы загладить этимъ путемъ свои преступленія. Его прошеніе было принято благосклонно. Но въ это время въ тюрьму былъ уже переведенъ изъ западнаго края другой палачъ — и товарищамъ пришлось дѣлить между собой работу.

Палачъ, переведенный изъ западнаго края, былъ невысокаго роста, очень широкоплечій, приземистый. Ходилъ онъ согнувшись, озираясь по сторонамъ, и всегда пряталъ въ рукавъ палку или камень, какъ будто вѣчно опасаясь нападенія изъ-за угла. Онъ никогда не смѣялся, не улыбался. Я даже не слышалъ, чтобы онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь. Встрѣтивъ его въ толпѣ, всякій невольно обратилъ бы на него вниманіе и невольно вздрогнулъ бы отъ отвращенія. Глубоко ушедшая въ плечи голова; узкій, косой, лобъ; густыя черныя брови, почти сросшіяся на переносицѣ; маленькіе, безконечно злые глаза, безпокойно бѣгающіе изъ стороны въ сторону, почти закрытые падающими въ безпорядкѣ длин-

ными черными волосами; маленькое безбородое лицо съ выраженіемъ хищника; большой неулыбающійся ротъ съ узкими неподвижными губами и крупными хищными зубами. Невѣроятно отвратительно было это лицо, и при видѣ его почему-то сразу являлась мысль, что такимъ, вотъ именно такимъ и долженъ быть палачъ.

Этотъ палачъ тоже былъ смертникомъ. Разсказывали, что онъ служилъ гдѣ-то въ охранномъ отдѣленіи, совершалъ экспропріаціи... Затѣмъ попался, угодилъ подъ военный судъ. Сейчасъ „отрабатываетъ“ свой срокъ послѣ замѣны смертной казни. Оба палача сидѣли вмѣстѣ въ одной камерѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился третій товарищъ. Этотъ палачъ не имѣлъ въ своей наружности ничего отталкивающаго, и сперва заключенные не подозрѣвали, какую службу онъ несетъ въ тюрьмѣ. Онъ стоялъ одно время дневальнымъ на томъ коридорѣ, гдѣ я сидѣлъ. Каждый день онъ приносилъ къ дверямъ нашей камеры хлѣбъ, воду, обѣдъ, кипятокъ. Мы брали изъ его рукъ воду и пищу, разговаривали съ нимъ и ни минуты не думали, что имѣемъ дѣло съ палачемъ. Это былъ еще совершенно молодой парень, безъ всякихъ признаковъ растительности на лицѣ, высокій и стройный, съ довольно безцвѣтными волосами, съ узкими прищуренными въ видѣ двухъ щелокъ глазами, съ мягкимъ,

вкрадчивымъ голосомъ. Всегда чрезвычайно вѣжливый, расторопный и услужливый, онъ больше всего походилъ на полового изъ трактира или на приказчика изъ сквернаго магазина... И вдругъ разнесся слухъ, что этотъ молодой парень вѣшаетъ осужденныхъ, что онъ уже повѣсилъ шесть человѣкъ. Кто-то изъ заключенныхъ спросилъ его: правда ли это? Парень отвѣчалъ, что это злая клевета, и на другой день передалъ намъ записку, содержаніе которой я могу возстановить почти дословно. Вотъ что̀ въ ней говорилось: „Товарищи! Это неправда, что̀ разсказали вамъ про меня. Я этого себѣ никогда не позволю, такъ какъ я тоже сознательный. А то, что я будто служилъ въ охранномъ, это правда. Но только это было раньше, а не теперь. Это вотъ какъ было. Я раньше былъ воромъ, и также помогалъ сыскному отдѣленію, но совсѣмъ мало получалъ за это. А потомъ меня арестовали, потому что нашли краденыя вещи. И я сидѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь я узналъ настоящихъ людей, и они мнѣ все разсказали и про полицію, и про правительство, и все остальное. И я понялъ, что все это афера особаго рода. Такъ что послѣ тюрьмы я поступилъ въ охранное отдѣленіе, но не для своей пользы, а я старался за народъ. Я старался такъ дѣлать, чтобы меня считали за вѣрнаго человѣка. А когда я добился,

приставъ далъ мнѣ четырехъ городовыхъ и послалъ, чтобы дѣлать обыскъ. Но я, какъ сознательный, туда не пошелъ, а пошелъ къ одному помѣщику-буржую и скомандовалъ ему: „Руки вверхъ!“ И я взялъ у него 540 р. настоящихъ денегъ, какъ будто за фальшивыя. А потомъ меня хотѣли предать военному суду. Но какъ я опытный и надежный агентъ для пользы службы, то раздумали. И вотъ какъ я попалъ въ тюрьму. Но я знаю, что такое сознательный, и никогда не позволю, чтобы дѣлать зло другому арестанту, который также носитъ сѣрую шапку, какъ и я. Такъ что, товарищи, прошу васъ не вѣрить тому, что вамъ сказали про меня“.

Черезъ нѣсколько дней оказалось, что нашъ дневальный дѣйствительно работалъ за палача. Съ коридора его тотчасъ же убрали. Но все остальное, что разсказывалъ онъ про свою прежнюю карьеру, подтвердилось вполнѣ: очевидно палачъ хотѣлъ полной откровенностью усыпить наши подозрѣнія. Именно эта своеобразная откровенность и дѣлаетъ автобіографію палача настолько интереснымъ документомъ, что я считалъ умѣстнымъ привести ее полностью и, насколько могъ, дословно.

Между тремя палачами часто происходили ссоры и даже драки на почвѣ профессіональнаго соперничества. Каждому хотѣлось залучить всю работу въ свои руки, а между тѣмъ

приходилось дѣлить ее между тремя. И на трехъ работы было маловато: не выходило на кругъ и двухъ смертниковъ въ мѣсяцъ на брата. Сперва два палача—нашъ дневальный изъ охраннаго отдѣленія и старый палачъ, отработавшій уже раньше свой срокъ—пытались уговорить третьяго, пріѣхавшаго изъ западнаго края, чтобы онъ просилъ перевода въ другую губернію. Но тотъ не согласился. Тогда нашъ дневальный заключилъ союзъ съ палачомъ изъ западнаго края, и они вмѣстѣ напустились на третьяго конкурента. Имъ удалось оттѣснить его и забрать всю работу себѣ. Палачъ, оставшійся безъ работы, не выдержалъ и... повѣсился. Его сокамерники-палачи еле живого сняли его съ петли.

Эта „исторія трехъ палачей" можетъ показаться выдумкой. Но въ ней нѣтъ преувеличеній. И передалъ я ее потому, что она характеризуетъ атмосферу, которой дышитъ переполненная смертниками тюрьма. Развѣ люди, ждущіе казни, могутъ не интересоваться спорами и ссорами между палачами, которые другъ у друга оспариваютъ ихъ головы и шеи?..

Чѣмъ чаще становились смертныя казни, тѣмъ больше оказывалось людей, предлагающихъ свои услуги для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Нѣкоторые изъ смертниковъ, въ порывѣ отчаянія, подавали прошенія о предоставленіи имъ должности па-

лача. Сколько было такихъ прошеній за каждую сессію—не знаю. Называли въ тюрьмѣ огромную цифру. Не привожу этой цифры, такъ какъ самъ считаю ее преувеличенной. Относительно принятыхъ, уваженныхъ прошеній въ тюрьмѣ были болѣе точныя свѣдѣнія: въ одной изолированной камерѣ тюрьмы содержалось пять бывшихъ смертниковъ которымъ смертная казнь была замѣнена каторгой и которымъ была обѣщана работа палачей. Здѣсь сидѣли они, пять кандидатовъ въ палачи. А сколько еще смертниковъ въ секреткахъ смотрѣло на нихъ съ тайной завистью?..

IX.

Живя среди смертниковъ, я научился отдѣлять вопросъ о смертной казни отъ тѣхъ второстепенныхъ, совершенно постороннихъ вопросовъ, съ которыми его обыкновенно смѣшиваютъ.

Не существенно для вопроса о смертной казни то, мучительна ли или безболѣзненна эта казнь. Вѣшаютъ ли приговоренныхъ или сажаютъ на колъ, сносятъ ли имъ голову гильотиной или ихъ сжигаютъ на кострѣ, удавливаютъ ли ихъ ошейникомъ по-испански или четвертуютъ по-китайски — все это не относится къ существу вопроса. Все это относится къ техникѣ смертной казни. И

только съ технической (а не съ принципіальной) точки зрѣнія можно обсуждать эти подробности.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, какъ относится къ смертной казни осужденный — встрѣчаетъ ли онъ ее съ полнымъ спокойствіемъ или сходитъ съ ума отъ страха. Вѣдь то, что человѣкъ боится смерти, не увеличиваетъ его права на жизнь. А то, что человѣкъ прямо смотритъ смерти въ глаза, не даетъ другому человѣку права убить его.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, насколько нравственны, чисты и непорочны люди, которыхъ вѣшаютъ. Убійство всегда остается убійствомъ, смертная казнь всегда остается смертной казнью — а казнь всегда есть убійство. Личныя качества казнимыхъ могутъ опредѣлять степень нашего сочувствія къ нимъ, могутъ опредѣлять и соціальную убыточность казни. Но вопросъ о смертной казни не долженъ имѣть ничего ощаго ни съ соображеніями соціальной убыточности, ни съ сочувствіемъ, ни съ жалостью. При чемъ здѣсь сочувстіе, когда сегодня Ивановъ — палачъ, Сидоровъ — жертва, а вчера еще Сидоровъ могъ оказаться палачемъ, Ивановъ — жертвой? При чемъ здѣсь жалость, когда на висѣлицу идетъ Х, не нуждающійся въ жалости, а рядомъ съ нимъ — какой-нибудь убійца, не стоющій жа-

лости? Долженъ быть такой взглядъ на казнь, при которомъ исчезаетъ личность казнимаго и остается лишь одно: казнятъ человѣка! Лишь эти два слова: *казнятъ человѣка.*

Кромѣ принципіальной оцѣнки смертной казни, какъ таковой, можно изучать ее и съ различныхъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Меня въ тюрьмѣ занимала юридическая точка зрѣнія на вопросъ: можно ли прослѣдить непосредственную связь между практикой смертныхъ казней и ростомъ преступности? Для того, чтобы отвѣтить съ полнотою на этотъ вопросъ, нужны болѣе широкія и, во всякомъ случаѣ, болѣе спокойныя наблюденія. Но вотъ нѣсколько подмѣченныхъ мною черточекъ, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣкоторый интересъ въ качествѣ матеріала.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось узнать подробности многихъ нападеній, покушеній и отстрѣливаній, которыми въ свое время наполнялись столбцы газетной хроники. Пришлось познакомиться и съ героями этихъ преступленій. У нихъ бросался въ глаза какой-то странный избытокъ молодечества, бравированіе опасностью, то, что на языкѣ полицейскихъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ обозначается словами: „необыкновенная дерзость“. Эта „дерзость“ въ глазахъ властей часто является *признакомъ* при рѣшеніи вопроса

о томъ, отнести ли данное преступленіе къ разряду обыкновенныхъ „уголовныхъ“ дѣлъ — или „уголовнополитическихъ“, направить ли его въ общій уголовный судъ—или передать его въ военный судъ, „для сужденія по законамъ военнаго времени“. Если преступленіе совершено со всѣми предосторожностями, съ явнымъ желаніемъ выполнить дѣло „въ тихую“ — это уголовный *грабежъ.* Если нападеніе совершено съ трескомъ и блескомъ, на-удалую, съ вызывающей прямотой, съ выраженіемъ полной готовности лицомъ къ лицу встрѣтить опасность, — это уголовно-политическя *экспропріація.* Или, говоря иначе, если за угрозой ножомъ, ломомъ или топоромъ слѣдовала команда: „лежи и ни съ мѣста“—это *уголовное* дѣло; если же вслѣдъ за появленіемъ съ револьверомъ раздались сакраментальныя слова: „руки вверхъ“— это дѣло *уголовно-политическое...*

Такое дѣленіе настолько вошло въ практику нашихъ судовъ, что всѣ считаютъ его вполнѣ естественнымъ. И нельзя не признать, что здѣсь дѣйствительно имѣются налицо двѣ существенно различныя группы явленій. При сравненіи подробностей въ двухъ сходныхъ между собой нападеніяхъ, изъ которыхъ одно — уголовное, а другое — уголовно-политическое, я всегда поражался глубокимъ ихъ различіемъ. Тамъ—холодный разсчетъ, стремленіе получить извѣстную добычу, не подвергаясь ни риску, ни опасности. Здѣсь — стремительный натискъ, желаніе захватить добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ показать себя, испытать острое чувство опасности. Тамъ — будничное дѣло, черная работа. Здѣсь — искусство, спортъ, жестъ, игра со смертью.

Рѣзко различаются между собой и участники тѣхъ и другихъ нападеній. Тамъ — по большей части рецидивисты, начавшіе съ мелочи, окончившіе свое образованіе въ тюрьмѣ, постепенно усовершенствовавшіеся въ своемъ ремеслѣ, постепенно расширявшіе районъ и размахъ своей дѣятельности, постепенно поднимавшіеся вверхъ по лѣстницѣ уголовныхъ статей. Здѣсь — на первомъ планѣ заводская молодежь, рабочіе и безработные, затѣмъ мелкіе служащіе, учащіеся. Тамъ — мрачныя, отталкивающія лица, часто съ ясной печатью вырожденія, лица тупыя, равнодушныя, забитыя. Здѣсь — молодыя свѣжія лица, въ которыхъ даже предубѣжденный глазъ не найдетъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ преступности или порочности.

А мотивы преступленія? Въ обыкновенныхъ „уголовныхъ“ дѣлахъ эти мотивы такъ просты, такъ понятны. Въ такъ называемыхъ „уголовно-политическихъ“ дѣлахъ не то. Вотъ молодой рабочій, зарабатывавшій на волѣ около 80-ти рублей въ мѣсяцъ, жившій вполнѣ безбѣдно съ родителями, не пьянствовавшій, не предававшійся никакимъ

излишествамъ. Вмѣстѣ съ тремя товарищами онъ идетъ экспропріировать артельщика, въ сумкѣ котораго, по ихъ разсчетамъ, должно находиться около тысячи рублей. Нужны ли были ему эти деньги? Нѣтъ. Идя на экспропріацію, стрѣляя въ людей и самъ подставляя свою грудь подъ выстрѣлы, онъ самъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, на что употребитъ онъ эти деньги, на что онѣ нужны ему, да и нужны ли ему вообще эти деньги. Можетъ-быть, онъ не зналъ, что за нападеніе его ждетъ висѣлица? Нѣтъ! Это онъ зналъ превосходно, такъ какъ каждый день читалъ о нападеніяхъ и о смертныхъ казняхъ; въ послѣдніе годы ни о чемъ не говорили вокругъ него такъ много, какъ о висѣлицахъ. Можетъ-быть, это развращенный злодѣй, которому нужно насиліе ради насилія, которому невыносимъ честный трудъ? Нѣтъ! Это простой, трудолюбивый парень, про котораго десятки свидѣтелей могутъ показать, что онъ всегда былъ честенъ и добросовѣстенъ, никогда не кралъ, никогда не дрался... Что же толкнуло его на поступокъ, за который его ждетъ висѣлица?

Это не праздные вопросы. Это вопросы, которые съ чудовищной яркостью становятся передъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ среди смертниковъ. Когда передо мной приподнялся край завѣсы, скрывающей отъ постороннихъ глазъ душевную жизнь этихъ людей, мнѣ

было страшно видѣть, что многіе изъ нихъ пришли къ своему нынѣшнему положенію, пришли къ висѣлицѣ безъ *всякихъ* къ тому поводовъ, *„такъ себѣ“*, зря. Жилъ-жилъ человѣкъ, никого не трогалъ. И вдругъ совершилъ дѣло, котораго никто не могъ ожидать отъ него. Что же толкнуло его на роковой путь, приведшій его къ висѣлицѣ?

Много разъ обращался я съ этимъ вопросомъ къ отдѣльнымъ смертникамъ. И послѣ краткаго раздумья, они отвѣчали какъ-то странно, неопредѣленно.

— Вы ради денегъ шли на первую экспропріацію?

— Отчасти изъ-за денегъ... А больше, такъ себѣ, зря, сдуру...

Такой отвѣтъ мнѣ пришлось слышать не одинъ десятокъ разъ. Нерѣдко приходилось слышать и вотъ что:

— Я и не думалъ идти. Да парни знакомые затащили. У нихъ, видите, было дѣло одно задумано. Нужно было всего пятерыхъ, а у нихъ пятаго не хватало. А какъ они знали меня за такого, который не выдастъ, то и предложили мнѣ участвовать. Я и пошелъ!..

Оказывалось, такимъ образомъ, что человѣкъ пошелъ на висѣлицу, чтобы не отказать товарищамъ въ маленькой услугѣ. Такихъ „случайныхъ“ смертниковъ въ тюрьмѣ было довольно много. Но еще чаще смертники

иначе описывали причины, толкнувшія ихъ на роковой путь.

— Развѣ я изъ-за денегъ шелъ? — говорилъ мнѣ одинъ молодой и очень типичный эксъ-истъ. Безъ денегъ, конечно, не обойдешься, да и денегъ у меня и изъ заработка хватало: могъ еще и подѣлиться съ кѣмъ нужно... А просто испытать хотѣлось... Думалъ попробовать... Вижу, другіе дѣлаютъ. И смѣло дѣлаютъ, и не боятся же петли! Ну, я и думаю: дай-ка попробую, какъ оно выходитъ, что чувствуешь?..

Я задумывался надъ этими словами, и передо мною открылся весь ужасный смыслъ этихъ „глупыхъ", „безтолковыхъ" словъ. Человѣкъ шелъ на преступленіе, чтобы испытать острое чувство, жгучее волненіе. Человѣкъ шелъ на висѣлицу, чтобы попробовать, „какъ оно выходитъ, что чувствуешь". Значитъ, висѣлица съ какой-то чудовищной силой притягивала его къ себѣ, подобно тому, какъ пропасть притягиваетъ къ себѣ слабыхъ людей, заставляетъ ихъ свѣшиваться надъ бездной, пробуждаетъ желаніе сдѣлать еще одинъ шагъ, одинъ маленькій шагъ впередъ. Значитъ, человѣкъ стрѣлялъ въ людей для того, чтобы испытать то острое чувство, которое на всемірной выставкѣ въ Чикаго можно было испытать за деньги въ кабинетѣ предпріимчиваго устроителя висѣлицы! Значитъ, висѣлица, это безобразное чудовище, поставленное людь-

ми на стражѣ закона, поставленное для устрашенія, для того, чтобы отпугнуть другихъ людей отъ пути преступленія, — эта висѣлица стала маякомъ, она сама притягиваетъ къ себѣ все новыя и новыя жертвы.

Да! Висѣлица сама создаетъ преступниковъ. Висѣлица, мать-кормилица палача, сама принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы палачъ не оставался безъ дѣла и не накладывалъ на себя руки съ отчаянія. Висѣлица сама создаетъ и палачей, и висѣльниковъ. И пока твердо стоитъ висѣлица — ни въ палачахъ, ни въ висѣльникахъ никогда не будетъ недостатка!

Мнѣ кажется, что притягательное дѣйствіе висѣлицы вполнѣ понятно. Она гипнотизируетъ и влечетъ къ себѣ человѣка такъ, какъ гипнотизируетъ и привлекаетъ къ себѣ свою жертву змѣя, какъ гипнотизируетъ и притягиваетъ бездна. И я самъ испыталъ это дѣйствіе висѣлицы... Тамъ, въ тюрьмѣ, среди висѣлицъ, въ атмосферѣ казней являлись дикія мысли, складывались дикіе планы, какихъ раньше я никогда не замѣчалъ въ своей головѣ. Вдругъ являлось желаніе сдѣлать что-нибудь такое, за что слѣдуетъ висѣлица. Не являлось, правда, мысли о томъ, чтобы ограбить когонибудь... Но — выхватить револьверъ изъ кобуры надзирателя, выстрѣлить... Не для того, чтобы убить, не для того, чтобы пробиться къ выходу, не для того, чтобы по-

кончить съ собой, не для того, чтобы напугать палачей, а просто „такъ себѣ", попробовать. И когда я замѣчалъ такія мысли въ себѣ, человѣкѣ хладнокровномъ, и скорѣе сильномъ, чѣмъ слабомъ, — могъ ли я сомнѣваться въ томъ, что разсказывали мнѣ другіе люди, описывавшіе, какъ встали они на ведущій къ висѣлицѣ путь „такъ себѣ", чтобы попробовать?..

И не разъ, въ дни казней, кто-нибудь изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ со мной товарищей говорилъ какъ бы про себя:

— Вотъ теперь, когда выйдемъ на коридоръ, схватить бы надзирателя, вытянуть его револьверъ — и пошелъ бы смолить!..

Я смѣялся:

— Вотъ выдумалъ! У тебя вѣрно не все въ порядкѣ! Что ты съ револьверомъ сдѣлаешь?

И другіе тоже смѣялись. Каждый чувствовалъ, что и въ его душѣ шевелятся тѣ же странныя мысли.

Да! Висѣлица влекла къ себѣ свои жертвы. Но болѣе сильные люди удерживались, болѣе слабые шли — и умирали въ петлѣ.

Это я говорю не объ единичныхъ идейныхъ террористахъ, которыхъ вела на висѣлицу другая сила. Я говорю о той сѣрой массѣ смертниковъ, которыхъ только въ насмѣшку можно назвать „борцами за народъ", которыхъ только по ошибкѣ можно считать

„революціонерами", о той массѣ, которая составляетъ большую часть казнимыхъ. Я не могъ не отмѣтить нравственнаго одичанія этихъ людей, но не могу не отмѣтить и того, что сдѣлало ихъ такими.

Взять хотя бы фантастическія сопротивленія и отстрѣливанья, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наблюдались во всѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ только примѣнялись смертныя казни: въ царствѣ польскомъ, на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Петербургѣ. Какой смѣшной и жалкой комедіей кажется рядомъ съ этими сопротивленіями пресловутый „фортъ Шаброль" въ Парижѣ! Нигдѣ въ мірѣ не могли бы имѣть мѣсто такія перестрѣлки, такія сопротивленія одного человѣка цѣлымъ ротамъ солдатъ, которыя въ Россіи одно время вошли въ повседневный обиходъ и никого уже не удивляли. Но почему это такъ? Или власть у насъ недостаточно сильна? Или люди у насъ смѣлѣе, предпріимчивѣе и преступнѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи? Или все это продолженіе революціи? Не буду искать отвѣта на эти вопросы, не буду входить въ разборъ происхожденія русскаго бандитизма. Отмѣчу лишь одно наблюденіе. Отчаянная смѣлость, безусловное презрѣніе къ смерти, безконечное молодечество — всѣ эти черты воспитаны въ значительной степени практикой смертныхъ казней. Много ли нужно, чтобы развились эти черты въ человѣкѣ?

Для этого достаточно имѣть крѣпкіе, напряженные нервы и искренно исповѣдывать, что жизнь — копѣйка. Остальное приложится. А что можетъ такъ хорошо подготовить нервы людей къ отчаяннымъ кровавымъ подвигамъ, какъ висѣлица? Можетъ ли быть придумано лучшее средство для постепеннаго вытравленія всѣхъ нравственныхъ цѣнностей изъ души человѣка?

Въ соціальной педагогикѣ смертная казнь одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ. Теоретически я, конечно, зналъ это и до тюрьмы. Но нужно было пожить среди висѣлицъ, чтобы оцѣнить все значеніе этого средства.

Извѣстно, что тюрьма является школой преступленій, академіей, хранящей и разрабатывающей традиціи преступнаго міра; тюрьма сама воспитываетъ своихъ будущихъ кліентовъ, такъ что тотъ, кто попалъ въ тюрьму на короткій срокъ, почти неизбѣжно снова попадаетъ въ нее уже на болѣе продолжительное время. Но достаточно ли сознаютъ, что и висѣлица сама готовитъ преступниковъ? Какъ тюрьма дѣйствуетъ автоматически, напередъ обезпечивая себя жильцами, чтобъ никогда не пустовали ея камеры, такъ же и висѣлица обезпечиваетъ себя жертвами, чтобы не болталась напрасно въ воздухѣ ея веревка...

Въ тюрьмѣ у меня являлся иногда вопросъ: что̀ получилось бы, если бы у насъ были

обложены смертной казнью не нападенія съ цѣлью грабежа, а какія-нибудь другія преступленія? Если бы, напр., вздумалось бы кому-нибудь предавать военному суду и судить по 279-ой статьѣ всѣ дѣла о дуэляхъ или объ изнасилованіяхъ? И мнѣ казалось почти несомнѣннымъ, что такая мѣра вызвала бы, при „неукоснительномъ“ ея примѣненіи, эпидемическое усиленіе соотвѣтствующихъ преступленій... Полной увѣренности въ такомъ вопросѣ, конечно, не можетъ быть, пока не произведено опыта. Но судя по тому, что̀ наблюдалъ я среди смертниковъ, соціально-педагогическое дѣйствіе смертной казни именно такое.

X.

Еще нѣсколько словъ о дѣйствіи казни на окружающихъ.

Мнѣ много разъ приходилось имѣть свиданіе одновременно со смертниками. Передъ одной сѣткой стояли мы, заключенные, за другой сѣткой, въ разстояніи 1—2 аршинъ отъ насъ, стояли люди, пришедшіе къ намъ на свиданіе. Рядомъ со мной стояли смертники, скованные по рукамъ и по ногамъ. И я не могъ разговаривать со своими, а все смотрѣлъ на этихъ людей, для которыхъ настоящее свиданіе, быть можетъ, было послѣднимъ...

Помню, разъ рядомъ со мной стоялъ молодой рабочій. Онъ держалъ руки опущенными внизъ, чтобы мать и сестра, пришедшія къ нему на свиданіе, не замѣтили его ручныхъ кандаловъ. Лицо его было спокойно и даже улыбалось слабой, болѣзненной улыбкой, но голосъ вздрагивалъ и прерывался. А за 1—2 аршина отъ него, прижавшись къ желѣзной сѣткѣ, рыдали двѣ женщины — сѣдая, бѣдно одѣтая старушка и молодая дѣвушка. Онѣ не могли говорить и только повторяли одно дорогое имъ имя:

— Андрюша... Андрюша...

А смертникъ, блѣдный, но спокойный, болѣзненно улыбаясь и скрывая отъ ихъ взглядовъ скованныя руки, говорилъ:

— Ну, прощайте, дорогія! Живите, счастливо живите... Я не боюсь. Разъ вышло такъ, ничего ужъ не подѣлаешь... Ну, не плачьте. Будетъ! Живите... Живи, сестра!.. Спасибо, что пришли навѣстить въ послѣдній разъ... Будьте счастливы. Хорошо живите...

И вдругъ мать его закричала:

— Андрюша... Вѣдь не послѣдній разъ... Свидимся еще.

И сестра тоже говорила:

— Вѣдь не скоро еще... можетъ-быть замѣнятъ... Андрюша! Подумай.

Смертникъ вздрогнулъ и нахмурился, но снова овладѣлъ собой:

— Не замѣнятъ! Я знаю. О томъ и

говорить не стоитъ. А предпослѣдній разъ я такъ себѣ сказалъ. Можетъ-быть и не скоро. А лучше всегда быть готовымъ. Ну, не плачьте... Я вѣдь спокоенъ. Кончится все такъ скоро, токъ просто... Это только со стороны страшно.

— Андрюша... Андрюша...

Рыдали обѣ женщины. Надзиратель пріоткрылъ дверь въ каморку свиданій:

— Кончай свиданіе!..

Смертникъ заторопился.

— Ну, прощайте, милыя... Спасибо, что пришли... живите...

И онъ твердымъ шагомъ двинулся къ выходу. Но снова остановился и почти не глядя на мать и сестру, глухо сказалъ:

— Вѣдь въ послѣдній разъ сегодня...

Я не видѣлъ лицъ пришедшихъ къ нему на свиданіе женщинъ, не слышалъ, что отвѣчали онѣ ему...

Когда мы шли черезъ дворъ, я замѣтилъ слезы на глазахъ у смертника. Болѣзненно улыбаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Меня этимъ вечеромъ возьмутъ... Сегодня моя очередь и Кирилла... У насъ знаютъ. А имъ я не могъ сказать... Хотѣлъ подготовить, да не могъ... Не поймутъ онѣ.

Сколько разъ приходилось слышать это „не поймутъ" изъ устъ приговоренныхъ, ждущихъ казни. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ встрѣчаютъ казнь преступ-

ники и какъ относятся къ этому событію близкіе имъ люди, остающіеся въ живыхъ. И мнѣ бросалась въ глаза одна черта смертной казни, одна особенность, неизбѣжно присущая этому виду „наказанія“: вѣдь смертная казнь почти всегда самого преступника затрагиваетъ менѣе сильно, чѣмъ его близкихъ. Это можетъ считаться аксіомой. Для смертника мученье кончается въ моментъ совершенія казни, въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе. Для его близкихъ только въ этотъ моментъ начинается самое ужасное, начинается кошмаръ того, что уже совершилось. И потому смертная казнь является мщеніемъ, направленнымъ не столько противъ самого преступника, сколько противъ всѣхъ его близкихъ, противъ его семьи. Въ этомъ отношеніи куда логичнѣе было старинное установленіе родовой мести.

При видѣ слезъ отчаянія матерей и сестеръ смертниковъ я не раздумывалъ, конечно, о родовой мести и о другихъ юридическихъ древностяхъ. Но мучительно-назойливо лѣзла въ глаза чудовищная несправедливость того, что совершалось изо-дня въ день. Пусть виновенъ преступникъ. Но вѣдь не его одного казнитъ палачъ. Развѣ этой, такой простой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой чудовищной истины можно не видѣть...

Я сидѣлъ одно время во второмъ этажѣ тюрьмы; окна моей камеры выходили на

дорогу, по которой утромъ отправляли преступниковъ въ военный судъ и по которой вечеромъ приводили ихъ обратно въ тюрьму, уже приговоренныхъ къ смертной казни. Изъ окна видна была часть дороги противъ тюрьмы. Во время сессіи военнаго суда не проходило ни одного дня безъ смертнаго приговора. Иные дни судъ выносилъ сразу по три четыре смертныхъ приговора, и больше... Впереди окруженной конвоемъ партіи арестантовъ гарцовалъ на конѣ стражникъ. Арестантовъ и конвойныхъ не было видно: ихъ скрывала отъ глазъ высокая тюремная стѣна. Но ясно доносилось съ дороги бряцаніе цѣпей. Не было видно за стѣной и людей, провожавшихъ отъ суда до тюрьмы осужденныхъ. Но когда процессія подходила къ самымъ воротамъ тюрьмы, вдругъ начинался крикъ, плачъ. И бывало, ворота уже захлопнулись за смертниками и другими осужденными, приговоренные къ каторгѣ уже заперты въ своихъ камерахъ, приговоренные къ висѣлицѣ уже помѣщены въ секреткѣ—а передъ тюрьмой все еще продолжаются вопли отчаянія, плачъ, крики. Каждый звукъ отчетливо ясно доносился въ камеры черезъ открытое окно, и каждый звукъ мучительнымъ ударомъ падалъ на напряженные нервы. Плачъ и вопли передъ тюрьмой продолжались иногда по полчаса, иногда дольше. Затѣмъ на площадку передъ тюремными воротами выѣзжали стражники:

— Расходись!..

Стучцли по камнямъ подковы лошадей, пронзительно звонко кричали женщины. Потомъ все смолкало. Толпа разошлась. Не слышно было и криковъ отчаянія, но чувствовалось, какъ-то болѣзненно ясно чувствовалось, что эти вопли и крики продолжаются, что они только перемѣстились туда, дальше за стѣну тюрьмы.

Насъ сидѣло въ камерѣ больше десяти человѣкъ. Большинство составляли рабочіе. Среди насъ были различные люди. Нѣкоторымъ предстояло въ недалекомъ времени познакомиться съ намыленной веревкой. Большинство составляли люди суровые и меньше всего склонные къ какимъ бы то ни было сантиментальностямъ. И все же на насъ потрясающимъ образомъ дѣйствовали эти крики передъ воротами тюрьмы.

Но самыя смертныя казни производили на насъ слабое впечатлѣніе. Къ казнямъ мы привыкли и старались не обращать на нихъ вниманія. Мы только считали, сколько человѣкъ казнено съ начала сессіи, сколько человѣкъ получило замѣну висѣлицы каторгой, сколько остается еще въ секреткахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Живые люди исчезали для насъ за этими цифрами, такъ же какъ для постоянныхъ читателей газетъ живые люди исчезали за безстрастными статистическими данными.

Такое отношеніе къ смертнымъ казнямъ сложилось, конечно, не сразу и не могло оставаться вполнѣ неизмѣннымъ, вполнѣ устойчивымъ. Помню, въ первое время моего пребыванія въ тюрьмѣ казни дѣйствовали на меня удручающе. Когда начались казни, я не находилъ себѣ мѣста, ни о чемъ другомъ, кромѣ висѣлицъ, не могъ думать, ничѣмъ не могъ заняться. Я старался узнать имя каждаго казнимаго и всѣ подробности его дѣла. Мнѣ казалось, что я долженъ запечатлѣть въ душѣ весь ужасъ того, что дѣлалось на моихъ глазахъ. И картины казни огненными чертами врѣзывались въ душу.

Это было для меня самое мучительное время. Мнѣ казалось, что голова не выдержитъ. Но затѣмъ впечатлѣніе отъ новыхъ смертныхъ казней стало постепенно ослабѣвать. Я ужъ не справлялся объ именахъ, справлялся только о числѣ казненныхъ и о томъ, повѣшены ли или нѣтъ такіе-то болѣе близко знакомые мнѣ смертники. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ расло число казней, цифры тоже начали утрачивать свою яркость, свою выразительность. Я началъ сбиваться со счета...

То же самое происходило и со всѣми другими заключенными. Всѣ привыкали мало-по-малу къ смертнымъ казнямъ, пріучались смотрѣть на нихъ и не замѣчать ихъ. Воздухъ кругомъ весь былъ наполненъ убійст-

вомъ и смертью, отвратительными призраками казней и казненныхъ, предсмертной тоской и отчаяніемъ. И на этомъ фонѣ терялись отдѣльныя казни. Ибо что такое въ концѣ-концовъ отдѣльная казнь? Убійство одного человѣка, одна смерть — не больше. А въ окружавшей насъ обстановкѣ мы приладились жить, приноровившись къ ней и не замѣчая ея чудовищной уродливости.

Помню, какъ удивило насъ открытіе, что мы привыкли къ смертнымъ казнямъ. Какъ-то вечеромъ мы сидѣли въ своей камерѣ вокругъ стола и играли въ шашки. Повѣрка уже отошла. Въ тюрьмѣ было тихо. Вдругъ со двора донесся стукъ и шумъ. Взглянули въ окно: калитка въ тюремныхъ воротахъ была открыта, во дворъ входили надзиратели и стражники. Кто-то замѣтилъ:

— За смертниками пошли... Будутъ брать на казнь.

Но другіе не прерывали игры и продолжали сидѣть за столомъ, не поднимая головъ.

Надзиратели вошли въ корпусъ тюрьмы. Изъ нижняго этажа слышались звуки тяжелыхъ шаговъ, сдержаннаго говора многихъ голосовъ, затѣмъ лязгъ отпираемаго замка... Черезъ нѣсколько минутъ во дворѣ снова показались темныя мужскія фигуры, поспѣшно направлявшіяся къ воротамъ.

Стоя у окна, товарищъ считалъ проходившихъ въ двери.

— Троихъ взяли... Лицъ не разобрать. Нужно будетъ завтра спросить имена.

Остальные молчали, не отрываясь отъ игры.

— Твой ходъ.

— Я дамкой хожу...

И снова молчаніе. И вдругъ одинъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Странно, товарищи! Какъ это мы приспособились! Не замѣчаемъ даже казней. А раньше-то, еще два мѣсяца тому назадъ, что было?

И игра какъ-то сразу прекратилась. Всѣмъ стало тяжело на душѣ.

И не то, чтобы совѣстно было за недостатокъ сочувствія къ казнимымъ. Никто въ тюрьмѣ не считалъ своимъ долгомъ „сочувствовать" всѣмъ, кого вели на казнь, и никто не старался притворяться сочувствующимъ. Безстрастное отношеніе къ смерти было необходимо намъ, и мы уважали и цѣнили это душевное качество. И все же каждому стало жутко и неловко, когда мы замѣтили, что казни перестали волновать насъ, что мы можемъ спокойно продолжать играть въ шашки въ то время, какъ мимо нашего окна ведутъ трехъ человѣкъ на казнь... Каждый невольно подумалъ о томъ, сколь многое должно было перегорѣть и отмереть у него въ душѣ для того, чтобы смертная казнь перестала волновать его.

Да, въ этой атмосферѣ, пропитанной кровью, медленно, но неизбѣжно стирались, выцвѣтали всѣ чувства, тускнѣли всѣ цѣнности. Это было то же одичаніе, которое въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ я замѣчалъ у смертниковъ.

Но неизмѣнно твердымъ оставалось чувство общаго ужаса. Чувствовалось, что этотъ ужасъ не ограничивается тюремными стѣнами, что, перешагнувъ черезъ тюремный порогъ, все же не уйдешь отъ этого кроваваго кошмара. Вѣдь ужасъ положенія не въ томъ, что здѣсь вблизи отъ меня совершаются убійства людей черезъ посредство палача, и я не могу помѣшать этимъ убійствамъ. Ужасъ былъ въ томъ, что эти убійства вообще совершаются. То обстоятельство, что я запертъ въ тюрьмѣ, заставляло меня видѣть вблизи этотъ ужасъ. Но я могъ бы быть далеко, могъ бы быть по ту сторону тюремной стѣны, могъ бы не видѣть, не слышать ничего. Было ли бы это лучше для меня? Нѣтъ! Ибо ничего нѣтъ отвратительнѣе спокойствія и благодушія человѣка, когда это спокойствіе основывается на томъ, что человѣкъ не видитъ и не слышитъ, что происходитъ вдали отъ него. Пусть въ куски рвется сердце, но человѣкъ долженъ все видѣть, долженъ все слышать! Пусть въ куски рвется сердце, но это лучше, чѣмъ благополучное существованіе съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами.

И являлась мысль: повсюду вѣдь то же самое! Выхода нѣтъ. Я безсиленъ и безпомощенъ. Быть-можетъ мое положеніе скоро измѣнится: я выйду на волю, вернусь къ любимой наукѣ, вернусь къ общественной дѣятельности. Но вѣдь это останется. Я не буду видѣть секретокъ, трагическихъ лицъ, не буду слышать стоновъ, криковъ, вѣчнаго звона кандаловъ. Я забуду эти картины и эти звуки. Но вѣдь это значитъ просто закрыть глаза и заткнуть уши! Этого я не хочу, этого я не могу принять. А другого выхода нѣтъ! Или на подобіе перепуганнаго страуса зарыть свою голову въ песокъ, или жить съ открытыми глазами, съ открытыми ушами. А въ послѣднемъ случаѣ — вѣчно остаться въ кровавомъ туманѣ. Куда ни пойдешь — этотъ туманъ не покинетъ меня. Повсюду будутъ преслѣдовать тебя оставленные далеко позади картины и звуки. Ты останешься среди висѣлицъ, гдѣ бы ты ни былъ и тамъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ.

Не было выхода!

Это сознаніе было безконечно тягостно. Съ этимъ сознаніемъ все умирало въ душѣ. Не оставалось мѣста ни жаждѣ свободы, ни желанію сохранить жизнь. Не оставалось ничего, кромѣ чудовищнаго кошмара, и не чувствовалось ему конца.

